

Беседа у камня

Автор рисунка: Ирина Рейзой

№13

Содержание

От редакции	2
Нужен ли начинающему писателю бета-ридер?	13

Проза

Илья Криштул «Ледоруб Троцкого»	3
Елена Журавлева «Индийские зарисовки»	9
Кирилл Сорокин «Камертон»	18
Лиза Маркова «На рельсах»	21
Регина Соболева «Детская площадка»	24
Скрытимир Волк «Славка»	29
Мария Орфанудаки «Письмо третье к Земфире»	32

Стихи

Александр Савостьянов	8
Регина Соболева	8
Дарья Иванова	8
Борис Кутенков	16
Маргарита Безуглова	19
Серж Антонов	22
Кет Кудинова	22
Евгений Петрушенко	22
Воин Нечетный	28
Наталья Эткеева	28

Рисунки

Ирина Реуцой	Обложка , 7 , 12 , 17 , 20
Ольга Неводнева	23 , 27 , 31 , 42

Здравствуйте, дорогие читатели!

Впереди Новый 2013 год. И к Новому 2013 Году мы подходим с новым 13 номером. С этой цифрой связано много суеверий, но мы думаем, что нашей газете такое забавное совпадение принесет только удачу и процветание. Вам же, дорогие читатели, мы от всей души желаем в Новом Году здоровья, материального благополучия, профессионального и творческого роста, но больше всего - простого человеческого счастья! С наступающим!

В 13 номер газеты "Беседы у камина" войдет рубрика "Выбор читателя". Как вы помните, тексты в эту рубрику попадают после голосования на форуме газеты. Обратите внимание, эти тексты отмечены специальным знаком в виде солнышка с буквами «ВЧ».

Кроме того, в номер войдет статья о бета-ридерах, любезно предоставленная нам автором проекта «Бета-ридеры». Из этой статьи вы узнаете, кто же это такие и для чего ни нужны.

Ну и конечно же, в 13 номере вы найдете новых авторов и новые, еще не читанные тексты. Иллюстрируют номер рисунки Ирины Реуцой и Ольги Неводовой - уже знакомых вам по предыдущим номерам художников.

Приятного чтения!

Всегда ваша, редакция БУКа!

Илья Криштул

Ледоруб Троцкого

Телефон зазвонил резко, противно и неожиданно, так как был отключен три месяца назад за неуплату. К тому же, было рано, часов двенадцать, и я, причисляющий себя к творческо-креативному гламурному бомонду, то есть к безработным иждивенцам, ещё спал.

— Масюкевич, Максим Александрович? — голос в трубке был тоже резкий, противный, но властный.

Я ответил, что я это я.

— Вас беспокоят из администрации президента России, моя фамилия Татаринов, — продолжил голос.

— А президента России как фамилия? — спросил я.

— Мы вам телефон не для шуток подключили, Максим Александрович, — в голосе послышались стальные нотки. - Дело в том, что ваш дом очень удобно расположен. У вас же Первомайская, тридцать семь?

Я кивнул.

— Первый этаж?

Я снова кивнул.

— Всё правильно. Ваш дом единственный, стоящий в глубине. Можно отследить подъезды, плюс спортплощадка, детская площадка, он это любит, в общем, по нашему мнению и мнению охраны, идеальный вариант. Запоминайте — через неделю к вам, неожиданно для вас, для нас и для всей страны, в гости заедет президент. — Татаринов немного помолчал и продолжил, — Будет проезжать мимо, и заедет. Вы понимаете, какая это честь и, в тоже время, ответственность?

Я задумался. У меня вчера в гостях Марат был, одноклассник, вот это была ответственность, не знаю, правда, насчёт чести. Сто двадцать килограмм живого веса, постоянно норовящие упасть то на стол с напитками и закуской, то на клетку с попугаем.

— А как я его узнаю, президента вашего? — наконец спросил я.

— Во-первых, не только нашего, но и вашего тоже, — ответил Татаринов, — А, вторых, вы что, не знаете в лицо президента страны? Телевизор у вас есть?

Телевизор у меня был, но работал как тумбочка, что-то с ним случилось лет пять назад, а мастера вызвать времени нет. Я так этому Татаринovu и ответил.

— Хорошо. Через час к вам приедут наши сотрудники, ожидайте. А я приеду вечером, побеседуем.

Через час у меня под окном припарковалась неприметная «Газель» с надписью «Школьные завтраки», из неё вышли несколько человек и, не обращая внимания на домофон, зашли в подъезд. Я не стал дожидаться звонка, открыл дверь, и сразу получил замечание.

— А вот дверь без звонка больше не открывайте, — сказал стоящий первым усатый мужчина в очках. - У вас теперь не личная и приватизированная квартира, а государственный объект. Теперь здравствуйте. Меня зовут Сергей Леопольдович, я ваш куратор на эти семь дней. И ещё насчёт двери. Вообще до визита президента к ней не подходите. Вы кого-то ждёте?

— Вас ждал, — честно ответил я.

— Это приятно, нас мало кто ждёт. — Сергей Леопольдович хмыкнул и продолжил, — Познакомьтесь.

Ко мне подошла миловидная женщина с холодным взглядом и улыбнулась. От её улыбки у меня в голове застучал ледоруб Троцкого, а под окном проехал грузовик режиссёра Михоэлса.

— Татьяна Борисовна, — представилась женщина, — сестра вашей жены.

— Э... — сказал я, а заговорил Сергей Леопольдович:

— Президент захочет попить чаю с ватрушками, кто его будет угощать? Вы умеете печь ватрушки? А стол накрыть, тут же будет телевидение, первый канал, второй, третий, журналисты... И что у вас с ванной, вдруг он захочет руки помыть...

И Сергей Леопольдович пошёл в сторону ванной.

— Я насчёт жены... - кинулся я вслед за куратором, — Я же, вроде как...

— Успокойтесь, Максим Александрович, — остановила меня новоявленная родственница, - Ваша жена приедет через минуту, и только на неделю, очень симпатичная девушка Лена. И давайте на «ты», нам работать вместе. Я, кстати, приехала из Балашихи, в гости к сестре. Работаю в страховой компании, менеджер. А вот и Лена.

Моя жена действительно оказалась симпатичной высокой блондинкой, и я решил сразу пошутить по поводу отдачи супружеского долга. К счастью, меня опередили.

— Майор ФСБ Круглова. — после этой фразы ледоруб Троцкого снова застучал в моей голове, где-то вдалеке заиграл радиоприёмник барда Галича, и шутить расхотелось. — Прикомандирована к вам в качестве супруги. Показывай, муж, где у тебя что. Осваиваться будем...

Остаток дня мы осваивались, а вечером, как и обещал, приехал Татарinov. С ним приехали рабочие, сразу приступившие к ремонту ванной, и почти новый телевизор. Татарinov осмотрел квартиру, поговорил наедине с моими родственницами, с Сергеем Леопольдовичем и, видимо, остался доволен. Потом он подарил мне портрет президента в дорогой рамке, и мы сели пить чай с ватрушками. Ватрушки были вкусны, чай сладок, но я не обращал на это внимания. Меня тревожила дальнейшая судьба телевизора, прекрасного, большого, плазменного телевизора со встроенным ДВД. Оставят ли его мне после визита, ведь мой старый телевизор они уже вынесли на помойку? Или он на балансе ФСБ, и они возят его по всем квартирам, которые посещает президент? А может, это вообще личный телевизор президента?

— О чём вы думаете, Максим Александрович? — вдруг спросил Татарinov. - Вам не нравятся ватрушки? Или вы не хотите помочь нам, а, значит, и своей Родине?

И вновь застучал в голове ледоруб Троцкого, и раскрылся отравленный зонтик болгарина Маркова. Я решил оставить вопрос о телевизоре на потом, откусил ватрушку и ответил:

— Ватрушки нравятся. Помочь хочу. Просто я подумал, что есть более достойные люди... Вот надо мной, Паша и Маша, он банкир, она домохозяйка, двое детей... Я у них займы часто беру...

— Второй этаж не подходит. Он там будет как мишень в тире. К тому же президент страны в гостях у банкира это не очень правильно, ему ж займы не нужно. А семья хорошая, мы знаем. Итак, президент приедет к вам утром, и пробудет 50 минут...

— У нас здесь по утрам пробки... — вставил я.

— В это утро пробок не будет, — твёрдо сказал Татарinov. - Да, совсем забыл — вам знакома гражданка Вережанская Виолетта Павловна, 51-го года рождения?

— Да, знакома...

— Шла к вам, мы попросили этого не делать. Проживёте неделю без гражданки Вережанской, к тому же 51-го года рождения?

— Проживу, конечно. Телевизор буду смотреть...

Но мой слабый намёк остался без внимания, и Татарinov, достав из портфеля какие-то бумаги, продолжил:

— Вот запись вашей непринуждённой беседы. Главное — вам, как представителю творческой интеллигенции, нравится отношение президента к культуре, поэтому вы поддерживаете все его начинания. Вот список начинаний. Теперь жалобы. Их у вас

одна — вы недовольны ростом тарифов ЖКХ, он отвечает, что только что подписал указ... Ну, словом, как всегда отвечает. Вот текст жалобы. Дальше наша-ваша жена наливает чай, угощает президента ватрушками, которые сама испекла, президент пьёт, благодарит, встаёт, спрашивает, есть ли у вас какая-нибудь личная просьба к нему, как к президенту страны. Тут важно — вы отвечаете, что есть. Потом импровизируете, вот текст импровизации. Президент благодарит, уезжает, вы с чистой совестью приглашаете постаревшую ещё на неделю гражданку Вережанскую. Всё понятно?

— Понятно, — ответил я и взял отпечатанные листки с начинаниями, жалобой, импровизацией и непринуждённой беседой. — Это всё наизусть учить?

— А вы, Максим Александрович, сами как думаете? — спросил Татаринov с интонацией, от которой застучал, застучал в голове ледоруб Троцкого, а перед глазами закачалась петля поэта Есенина.

Спалось мне в эту ночь плохо. Во-первых, жутко храпела на своей раскладушке моя жена, майор ФСБ Круглова, а во-вторых, два молчаливых мужика, дежурившие в прихожей, каждые полчаса заглядывали в комнату и обводили её тяжёлым взглядом. Проснувшись с ощущением лёгкой арестованности, я посмотрел на президента в дорогой рамке, поздоровался с ним и вышел на кухню. Жена-майор уже приготовила завтрак, сестра майора мыла сковородку, два молчаливых мужика в прихожей сдавали дежурство двум другим молчаливым мужикам, а за окном... За окном творилось необыкновенное.

Свежевыкрашенным фасадом сиял дом напротив. Вокруг детской площадки за ночь выросли голубые ели, а на самой площадке дети с радостью катались на аттракционах, вывезенных, судя по всему, из Диснейленда. На спортплощадке играли в футбол ребята в костюмах-тройках и тёмных очках, переговариваясь между собой по рациям. Подтянутые, голубоглазые и светловолосые дворники мыли шампунем только уложенный асфальт, а молодые мамы с пустыми колясками ходили одновременно на женскую сборную России по самбо и участниц конкурса красоты. Редкие прохожие в плащах и шляпах совершенно не были похожи на прохожих, а выглядели, если честно, как сотрудники ФСБ. Но я не стал об этом никому говорить и сел завтракать.

И вот, наконец, наступил день визита. В 5 утра меня разбудила собачка спаниель, деловито обнюхивающая комнату, и её хозяин, делающий тоже самое. С кухни доносился аромат свежеспеченных ватрушек, и, дождавшись, когда человек с собакой обнюхают каждый сантиметр комнаты, я встал, дружески кивнул портрету и пошёл бриться-умываться, повторяя про себя текст беседы с президентом. Потом я пил кофе, получая последние инструкции и наставления, надевал новый спортивный костюм и помогал прибывшим заранее телевизионщикам расставлять их аппаратуру, которая, кстати, расцарапала мне весь линолеум. А ровно в 9.58 моя квартира неожиданно опустела, и через минуту во двор въехал кортеж президента.

Президент оказался приятным молоджавым мужчиной, извинился, что заехал без предупреждения, с удовольствием ел ватрушки, много шутил про глубокую модернизацию и инновации, рассказал анекдот про нанотехнологии, чем ужасно рассмешил мою жену-майора, спросил у меня совета по поводу реформирования госструктур и внимательно выслушал жалобу на ЖКХ. Ответив точно по сценарию, что он только что подписал об этом указ, президент съел пятую ватрушку, встал и спросил, глядя в глаза мне и одновременно в объективы всех телекамер:

— Ну а какая-нибудь личная просьба ко мне, как к...

— Есть, — твёрдо ответил я, недослушав президента, и ледоруб Троцкого занёсся над моей головой, и в лицо уже летела струя цианистого калия националиста Бандеры, - Есть. Вы мне телевизор не оставите?

Проснулся я от непривычной тишины, но в своей кровати и в своей квартире. Первое, что я увидел, был мой старый телевизор, стоящий на своём месте и

выполняющий роль тумбочки. На нём лежало письмо-уведомление о повышении тарифов ЖКХ в два раза. Я вскочил и выбежал на кухню. Нет, никаких следов визита президента не было, даже ватрушечных крошек, даже царапин на линолеуме от телевизионной аппаратуры, да и за окном... За окном всё было как всегда — на спортплощадке выгуливали своих собак соседи, гортанно переговаривались дворники-хлопкоробы, а на детской площадке, на качелях, поставленных ещё пленными немцами, сидела пара алкашей с бутылкой. «Как же так...» — подумал я, а вслух сказал:

— Как же так? Что ж это за власть такая, которая обманывает свой народ даже во сне? Власть, во главе с президентом, который богатеет на бедах своего нищего народа! Указ о ЖКХ он подписал... Нет, только переворот, только революция спасёт эту страну от гибели!

В комнате раздался непонятный звук, как будто что-то упало-разбилось, и одновременно зазвонил дверной звонок. Я пошёл открывать, по дороге заглянув в комнату и... Холодная струйка пота медленно протекла по спине, а ужас заставил закрыть глаза. На полу, в осколках от разбитого стекла, лежал подаренный Татариновым портрет президента в дорогой рамке. В дверь продолжали звонить, и я уже знал, кто за ней стоит, сжимая в руках ледоруб Троцкого. На ватных ногах я добрёл до двери, за которой стояла моя смерть, сказал последнее «прощай» своему отражению в зеркале, повернул ключ, зажмурился и прикрыл голову в ожидании удара. Но удара не последовало.

— Ты чего? — раздался голос Вережанской Виолетты Павловны, 51-го года рождения, и я открыл глаза.

Действительно, это была Виолетта Павловна, удивлённо глядящая на меня, а у её ног стояла запечатанная коробка с плазменным телевизором со встроенным ДВД.

— Опустит руки и занеси телевизор, — скомандовала Виолетта Павловна.

— Откуда он у тебя? — слабо спросил я.

— Государство подарило, на 60-летие и 40-летие трудовой деятельности. Там, на коробке, и наклейка специальная.

Действительно, на коробке была яркая наклейка с надписью «В. П. Вережанской в день 60-летия от благодарного государства».

— У меня же два телевизора есть, этот решила тебе отдать, а то живёшь, как в пещере, ни одного сериала не видишь, — продолжала говорить Виолетта Павловна, — С тобой и обсудить скоро нечего будет...

И я занёс коробку в квартиру.

Вечером мы лежали и смотрели «Новости». Показывали президента страны, который в каком-то городе зашёл в гости к простым людям и долго с ними беседовал, угощаясь ватрушками.

— Всё-таки хороший у нас президент, и государство хорошее. Всё для народа делают — телевизоры дарят, ватрушки едят... — пробормотала в полусне Виолетта Павловна, — Правда ведь?

Я вспомнил про яхты олигархов и про нищих пенсионеров, вспомнил про вымирающие деревни и пятиэтажные коттеджи чиновников, про тарифы ЖКХ и зарплату начальника этого ЖКХ... Но ледоруб Троцкого стучал в моей голове, ледоруб Троцкого, и так уютно бубнил новый телевизор...

— Правда, — ответил я Виолетте Павловне и посмотрел на портрет президента в дорогой рамке. — Завтра надо стекло вставить.

Теперь я знал, что буду жить долго. И, может быть, счастливо.

Алтарь рисунка: Урина Рейной

Александр Савостьянов

Музыка дождя

Трепетность вокала
Повторить нельзя! —
Свежестью ласкала
Музыка дождя.

В быстром темпе звонких
Луж сомкнулся круг!
Ветер, вырвав зонтик,
Кружит по двору.

Сонных капель танцы
Замедляют ритм.
Томное анданте
На душе царит.

...Гром с Олимпа грянул,
Солнцу дав сигнал! —
Даже дождик рьяный
Капать перестал...

Регина Собарева

Знакомый прохожий с незнакомым лицом
Может вполне оказаться моим отцом,
Матерью, братом, свидетелем на процессе,
Но лицо его покрывает плесень,
Серая пыль, известковый налет, лишайник...
Кем еще обернется странник?
В длинном пальто с широким шарфом в перчатках
Он шагает по Трубной, его преследует запах
Обожженной глины, просеянного песка,
А еще — скука смертная, лень и тоска-тоска.
Он уходит вперед, оборачивается волком,
Лисом, вороном. Уходит долго
Мой знакомый прохожий с незнакомым пока лицом,
Наливающегося кровью, водкою и свинцом.
Уходи, прощай, до свидания, черт с тобою.
И судья процесс мой пока навсегда закроет
Легким стуком в окно, по спине, по доске указкой
—
Своеобразной лаской.

Дарья Иванова

Оловянный комочек в живой груди
Безысходно плавится. Капли — вниз.
Эта сказка без всякого «впереди»,
Только здесь и сейчас. И без третьих лиц.

Сказке нужен плохой персонаж. Всегда.
Пусть плохой буду я, а не ты. Не ты...
Оловянный комочек. В глазах — вода.
Не терзай мою душу, сожги мосты.

Не тревожь своё сердце, убей меня,
Как задумано тем, кто опять за всех
Вывел формулу: мне — за двоих огня,
А тебе — выжигать во мне грех/смех.

Оловянный комочек. Пожар внутри.
Ты напишешь об этом когда-нибудь,
А сейчас оставайся и посмотри,
Как горит моя кожа, душа, суть.

Сказке нужен герой. Ты — герой. Знай,
Я бы с радостью шла за тобой, но
Никогда не войти мне с тобой — в рай.
Без тебя — так уж лучше совсем на дно.

Не жалей хлестких слов и не прячь глаз.
Пусть в них будет секрет этой сказки. Да,
Кто не знает любви, не поймёт нас.
Оловянный комочек. В глазах — вода.

Елена Журавлева

Индийские зарисовки

На индийской заправке

По дороге в Чандigarх останавливаемся заправиться. Пока один заправляет, другой с шампунем отмывает лобовое стекло, а мальчик бежит к нам с подносом. На подносе чай масала в одноразовых стаканчиках. Спрашиваю, сколько стоит? Качают головой. Все бесплатно, они рады, что мы заправились именно на их станции. Мелочь, но, приятно.

Индийская свадьба

В Чандigarхе нас приглашают на свадьбу. Очень красивая церемония (первый день). Жених едет к невесте на белом коне. Родственники невесты его не сразу пускают к любимой: чем-то напоминает наш выкуп невесты. Невеста в красном свадебном платье, расшитом золотом.

Свадьба вегетарианская и безалкогольная. Удивил большой чан с кипяченым молоком со специями. Мужчины выстроились к нему в очередь. Сразу вспомнились горбачевские безалкогольные свадьбы. Но, тем не менее, веселятся и танцуют они от души.

На наших свадьбах, как правило, танцуют в основном женщины, а на индийских, напротив, в основном мужчины, причем очень зажигательно.

Через неделю делюсь впечатлениями о свадьбе со знакомой индианкой. Она посмеялась над моей наивностью и рассказала, что в молоко они добавляют BHANG (наркотические вещества, гашиш). Я вспомнила, как скептически поглядывала на очередь к чану с молоком и отказалась, когда мне предложили попробовать.

Дань уважения....

В Чандigarхе встречаемся с партнером по бизнесу. Точно помню, что вчера у него была прекрасная густая шевелюра. Сегодня он предстает перед нами побритым наголо, не смотря на то, что едем на важную конференцию. Замечает мое удивление и объясняет, что умер его дядя. Родственник мужского пола бреются наголо, отдавая дань уважения усопшему.

Не перестаю удивляться их традициям...

Пенсионная тема

Мы в гостях у индийского партнера в Чандigarхе. Обращаю внимание на портреты его сыновей на стене. Дети очень симпатичные. Пытаюсь сделать комплимент родителям, отец обижается. У них не принято говорить о мальчиках: симпатичные. Так отзываются только о дочерях. Мальчики должны быть умными в первую очередь, внешность для родителей не имеет никакого значения. Хозяин дома сообщает, что у него есть еще брат и сестра. Брат живет в Ирландии, сестра в Австралии. Его родители три месяца в году проводят в Ирландии у брата, потом три

месяца у сестры в Австралии. И только шесть месяцев в году живут в Индии. Их комнаты на первом этаже его дома. Замечу, что в Индии нет государственной пенсионной системы. Родителей обязаны обеспечивать дети. Поэтому перед мужчиной стоит нелегкая задача: он должен обеспечивать в старости своих родителей и позаботиться о потомстве, чтобы самому в старости не остаться без опеки. Наверное, поэтому перед индийцами не стоят такие проблемы, как в России: рожать или не рожать. Вспоминаются наши дома престарелых, забытые своими детьми старики, взрослые, сидящие на шее у своих родителей–пенсионеров. В Индии такое в принципе невозможно. Как правило, родители живут в одном доме со своими детьми. Хорошо это или плохо, не знаю. Интересно, если бы в России отменить пенсии... Страшно даже представить!

В Гималаях

На выходные рванули в Гималаи. Пять часов на машине от Чандигарха, и мы в столице Гималайского штата городе Шимла. Едем 80 км по крутому серпантину. Дорога мокрая, скользкая после дождя, водитель несется, как очумелый, обгоняя всех подряд. Замечу, что зеркал на серпантине нет, едут чисто интуитивно. На всякий случай пристегиваюсь на заднем сидении, цепенея от страха. Индиец английский не понимает, просить его ехать помедленнее — пустая трата времени, да и ездить по-другому они не умеют.

Увидела город Шимлу и забыла о серпантине. Изумительной красоты курортный городок. Красивыми домиками скворечниками усыпаны горы. Город рассоложен на высоте 2,500 м над уровнем моря. Крыши покрыты снегом. Это большая редкость для Индии. Над городом возвышается огромная статуя обезьяны. Это знаменитый храм обезьян. Там великое множество этих хитрющих животных. На входе не забудьте взять палку, которая очень пригодится, чтобы отгонять обезьянок. Только они увидят, что Вы опустили руку в сумку, облепляют вас, в надежде, что полезли за кормом. Если у вас в руках телефон или фотоаппарат, надо быть начеку! Они мгновенно выхватывают все из рук.

Пати в Дели

В Дели приглашают на Пати в мусульманский дом. Мы приезжаем около десяти вечера. Торопимся, нервничаем в пробках. Оказалось, что ничуть не опоздали. Все только начинается. Гости делятся на две половины: мужчины отдельно развлекаются, женщины в отдельной комнате кружком обсуждают своих мужей. Никакого алкоголя. Мне, как иностранке принесли вина. Мужчины курят кальян, играют в покер. Разносят всевозможные закуски и сладости. Собираемся уезжать полпервого ночи. Хозяин сетует, что мы не хотим остаться на ужин. Как раз скоро подадут основные блюда. Забавно!!! Потом знающие люди объяснили, что это в порядке вещей, и ужинать они будут часов до трех ночи.

Места для поцелуев

В Индии не принято целоваться и обниматься на людях. Страна со строгими пуританскими нравами. Женщины, как правило, не носят декольте и не открывают плечи. Но в Мумбае есть одно местечко, недалеко от знаменитого моста Селинка, где можно целоваться у всех на виду, и никто тебя за это не осудит. Очень трогательно

наблюдать за парочками молодых людей возле мотоциклов, которые нежно обнимаются. Многие едут на это место с других районов города, простояв километровые индийские пробки. Любовь ничем не остановишь...

Индийские лифты

С самого приезда в Индию я не перестаю удивляться лифтам. Не везде, конечно, но большинстве своем в лифтах присутствует лифтер. Он сидит на табуреточке и целый день возит пассажиров. Причем, если лифт стоит, лифтер все равно там сидит и ждет своей работы. У меня просто шок был, когда мы пришли в гости к знакомым, нажали на кнопку, а на нас уставился босой почтенный старец с услужливой улыбкой. Мы уходили из "гостей" около полуночи, а лифтер все послушно сидел в лифте до последнего клиента. Знакомые пояснили, что ночью он выносит табуретку, расстилает там коврик и спит себе на здоровье. Сначала я была в шоке. Каждый давно знает, как пользоваться лифтом, зачем держать для этого человека, да и еще в таких "нечеловеческих" условиях? Ответ один. Надо давать людям работу, иначе половина населения просто умрет с голоду. Такую же картину увидишь и в торговых центрах. Лифты вечно переполнены, люди с раздражением смотрят на лифтера, который занимает много места с табуреткой, но что поделаешь. Таков менталитет.

Напоследок

Берем билеты на самолет из Чандигарха в Мумбай. В графе "Имя, Фамилия" пишут: Elena, Elena. Прошу добавить фамилию, на что мотают головой: "Не беспокойтесь, Мэм! Достаточно одного имени!" С опаской прохожу контроль в аэропорту, думаю, сейчас заметят несуразицу, но никто даже не обратил внимание. Все на доверии! Кстати, в Индии Вы можете сесть в поезд, предъявив проводнику только СМС на Вашем телефоне с указанием деталей билета... Забавно, но Факт!

Автор рисунка: Ирина Рейзой

Катерина Исаченкова

Нужен ли начинающему автору бета-ридер?

Какова первая реакция начинающего автора, когда ему советуют обратиться к бета-ридеру? Во-первых, часто случается так, что он впервые слышит, о существовании «каких-то там» бета-ридеров, которые вычитывают черновики сырых произведений, а во-вторых, никто ему толком не может объяснить для чего нужна вычитка у бета-ридера, как проходит сотрудничество, и есть ли смысл вообще искать подходящего бета-ридера, тратить на это время, когда руки чешутся отправить свою вещь в издательство. Этот клубок вопросов становится для неопытного автора очередной трудностью на его пути, в то время как работа с бета-ридером должна наоборот помогать ему решать многие проблемы.

В данной статье мы попробуем разобраться в тех вопросах, которые больше всего волнуют начинающих авторов.

Начнем с самого названия – что это за странное название «бета-ридер»?

Слово явно новое в русском языке, а потому может напомнить о шутках Задорнова, который справедливо высмеивал надуманные названия старых профессий на новый лад, так как за громким названием (например, вошингер) может скрываться вполне прозаический и давно известный род деятельности (мойщик окон). Но в случае со словом «бета-ридер» все иначе: оно не имеет аналога в русском языке. Как еще можно назвать человека, который не является читателем, но при этом должен читать черновик автора «как будто он читатель», угадывать за читателя, где тот не поймет текста, и угадывать за автора, где тот «недописал»? Псевдочитатель? Вычитун? Авторский тренер? Мы вынуждены окунуться в словотворчество и, поплутав по дорожкам лексики, вернуться к короткому «бета-ридер», который дословно переводится, как «читатель-испытатель». Таким образом, можно убедиться, что необходимость в новом слове в нашем языке все же есть.

Но пока новизна названия ставит бета-ридингу подножку, потому как автор может задаться вопросом:

не высосан ли род деятельности бета-ридера из пальца? Раньше писатели обходились без всяких «читателей-испытателей», и литература от этого ничего не теряла.

Но так кажется только на первый взгляд, на самом деле и раньше без «читателей-испытателей» не обходились. Традиционно сочинитель зарождался и развивался в удобной для него среде, где он мог иметь доступ к образованию, чтению и общению с далеко не чуждым ему окружением. Бета-ридерами для начинающего автора становились его близкие, если не единомышленники из литобъединений. Авторы имеют свойство собираться в литературные объединения еще со времен золотого века русской поэзии, где и могут быть друг для друга первыми читателями. Самородок-самоучка, если в его городе не было литсреды, и он не имел возможности отсюда выбраться, был обречен на одиночество и невозможность отследить свой собственный творческий рост. Но времена меняются, и типичный писатель может теперь не иметь помощи от «писательской женошки», ни возможности поговорить с образованными людьми из местного союза писателей, жить в чуждом окружении... и не столь сильно зависеть от этих негативных факторов. Сейчас сочинитель может не только зародиться в городке, где нет литературной среды, но и развиваться вне ее, так как доступ к книгам, интернету и самообразованию для целеустремленного человека всегда открыт. И, конечно, интернет решает проблемы с общением с нужными людьми.

Естественно, что формы общения на сайтах несколько иные, чем в гостиной местного литературного клуба, и подход к обсуждению творчества начинающих авторов несколько иной. Ты можешь выложить в сеть свой текст и не получить ни одного читателя, а если и получишь, то кто даст гарантию, что он тебе скажет что-то полезное? Вот потому сейчас настало время бета-ридеров – тех, кто берет вашу вещь на закрытую вычитку. Время проверенных «читателей-испытателей», которые специализируются на том, чтобы вычитать вещь до того, как она попадет в руки редактора и корректора.

А зачем нужны бета-ридеры, если есть корректоры и редакторы?

Работа корректоров и редакторов связана с вмешательством в авторский текст в целях его изменения. Бета-ридер (если это, конечно, настоящий бета-ридер) не вмешивается в текст и не правит его. Все замечания автор получает либо на полях текста, либо на отдельном листе. Забота корректора – это орфография и пунктуация, в то время как бета-ридера интересуют литературные недописки. Общим между корректором и бета-ридером может быть разве что интерес к стилистике. Да и то – подход у бета-ридера и корректора к стилистическим ошибкам отличается. Корректора интересует соблюдение правил, а бета-ридера – точность фраз.

На форумах фанфикеров бытует ошибочное мнение о том, что «бета-ридер правит литературные ошибки, а гамма-ридер орфографию». Естественно, что там, где так рассуждают, вы не найдете хорошего бета-ридера. Потому, что хороший бета-ридер хотя бы знает, как переводится название его деятельности – «испытатель-читатель», а не «второй читатель», как ошибочно думают многие, считая, что «бета» в этом слове от названия второй буквы греческого алфавита. Что же касается слова «гамма-ридер», то тут впору звать Задорнова, потому, что профессия корректора в переименовании никак не нуждается.

А может ли автор быть сам себе бета-ридером?

Нетрудно догадаться, что в рассуждениях любителей фанфиков существует и некий «альфа-ридер», то есть сам автор, который является своим первым читателем, и, если уж дело касается фанфиков, порой единственным. Конечно, никакого альфа-ридера в природе не существует, но автору стоит стремиться к тому, чтобы стать самому себе бета-ридером, потому, что нет ничего лучше, как стать опытным «читателем-испытателем» для себя самого. И путь тут только один: начинающий автор должен сам становиться бета-ридером для других. Вычитывая других ты учишься вычитывать самого себя, также честно и беспристрастно.

Выходит, деятельность бета-ридера не представляет из себя ничего сложного? Возьми да читай.

Увы, это не так. Вычитка это очень кропотливый и трудоемкий процесс. Многие начинающие ридеры этого не понимают и, когда берутся за дело, часто отказываются после первых же сырых романов, так как чтение черновики не приносит бета-ридеру читательского удовольствия, разве что удовольствие бета-ридерское, когда он смог вычислить нестыковки и помочь автору, но это труд, довольно тяжелый труд. Не всякий, побывав в роли читателя, может стать писателем или бета-ридером, хотя и писатель, и бета-ридер в равной степени должны на досуге любить чтение.

Где и как искать хорошего бета-ридера?

Так как этот род деятельности хоть и обзаводится традициями, но все же считается новым, то сейчас, в период становления, можно ошибиться в выборе бета-ридера, который может вас во время вычитки сбить с толку. Особенно опасны для начинающих авторов те, кто способен пустить ему пыль в глаза многоумными рассуждениями, но при этом мало способен помочь начинающему автору.

Хорошего бета-ридера следует искать, прежде всего, в специализированных группах бета-ридеров. Так как способные люди часто водятся стайками, то лучше всего подбирать бета-ридера в соответствующих сообществах – то есть в бета-ридерской среде.

Вот два основных правила удачного налаживания сотрудничества с бета-ридером.

Желательно делать так, чтобы бета-ридер вас сам находил по объявлению, а не автор бета-ридера, так как один из признаков полезности бета-ридера это то, что он склонен идти к вам навстречу сам.

Условия, которые ставит автору бета-ридер (особенно платный) должны быть минимальными, если же их перед вычиткой много («сначала посмотрю, потом подумаю, возьмусь - не возьмусь», «не вычитываю те или иные жанры»), то пользы с этого бета-ридера будет мало. В пустой бочке больше звону. Чем проще условия ридера, когда он берется за работу, тем больше вероятности, что он принесет вам пользу. Впрочем, это справедливо не только для такого вида деятельности как бета-ридинг.

Желаю начинающим авторам помнить об этих правилах и успешно найти своего собственного бета-ридера, а так же стать бета-ридером самому себе.

Статья предоставлена сообществом [«Бета-ридеры»](#).

Борис Кутенков
Враг мой, бойся меня

" Враг мой - бойся меня,
друг мой - не отрекайся от меня,
нелюбимая - прости меня,
любимая - люби меня..."

Он бредёт на кухню, будто на костылях:
соматически всё окей, но внутри — на сломе.
Привыкает быть на последних ролях:
кушать подано (самому себе), пятый лебедь в седьмой колонне.
Дует на чай остывший — а впрочем, решает, нах:
не вернётся — и бог с ней, погрязну в делах, трудах,
как моторчик, выживу на инерции, на приёме.

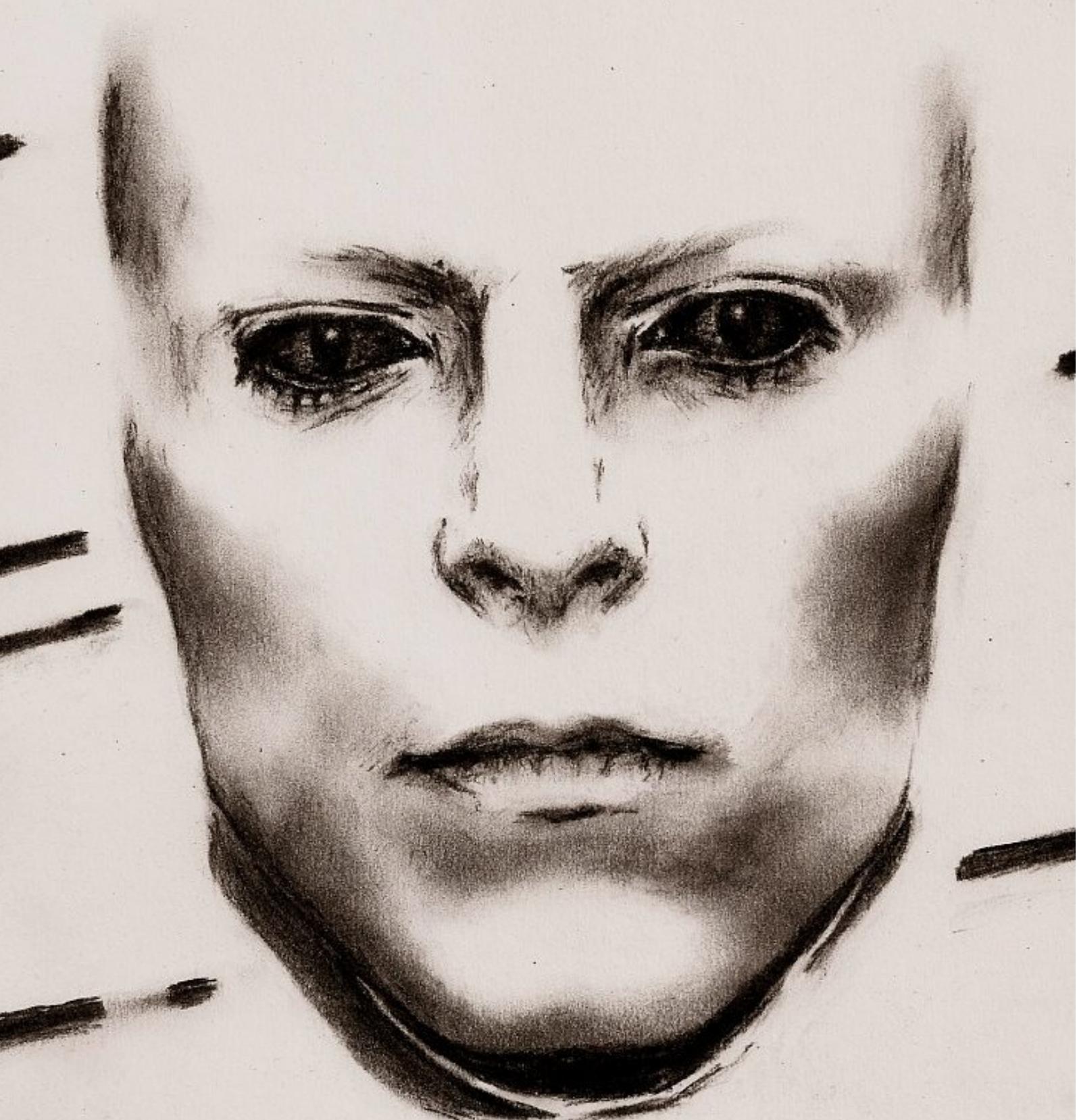
Он включает в розетку радио, где царит
попс-мотив, что всегда бодрил, но сегодня — мимо.
Нарезает хлеб, как при ней, приводит в порядок быт.
Убеждает себя: так правильно, так необходимо.
Учится жить, закусив губу, даже делать вид,
будто не болит — но сердце-гранит хранит
надпись "тут была N" — приметку присутствия той, любимой.
Будто вышла, покурит — и всё путём.
Но, похоже, не жди возвращений скорых.

Враг давно не боится, грозит ножом,
костерит и в жизни, и на lj-просторах.
Одиночество — гость, озирающий разорённый дом:
то фальшиво-сочувственно, то с зевком,
а сейчас вот — злоратно, как после ссоры.

Друг недавно отрёкся, сказал — иди,
чем далече, тем лучше, не строй иллюзий.
Нелюбимых и преданных — пруд пруди:
как узнать, может, кто-то из них и любит.
Допивая чай, на тетрадном листе черти
вертикальную палочку в середи-
-не минуса — графический признак плюса.

И не ной — не в ковчеге ещё, поди...
Добреди до компьютера лучше — и-мэйл проверить.
Там письмо пожилой мэтрессы — открой, прочти:
"Ваши стихи талантливы, необыкновенны.
И одно лишь — слабым толчком в груди:
ваш герой, как моторчик инерции ни крути,
несимпатичен.
Ибо неоткровенен".

Автор рисунка: Ирина Рейсой

Кирилл Сарокин

Камертон

Тебе...

Человечество одиноко. И каждый человек, в отдельности, одинок. Безумно. Мы рождаемся с бесконечным набором натянутых и настроенных неизвестным настройщиком струн. Лишь ему известно, где они спрятаны, как выглядят и как умещаются в недолговечном, снедаемом страстями теле. Кто знает, сколькими измерениями располагает мастер и настройщик?

Струны ждут своего часа. Каждая из них ждёт своей частоты, с которой она войдёт в резонанс. Если, конечно, случится встретить тот самый звук...

Ребёнок видит яркий мутный свет, чувствует тепло матери, и с этого момента в нём начинает звучать мелодия. Очень простая и монотонная, с каждым днём она становится богаче. Новые звуки теснятся и касаются своих струн, мелодия становится глубже и сложнее. Появляются откуда-то странные, непонятно чем вызванные пассажи то в верхней, то в нижней октаве. Человек научается запоминать свои ощущения и вызвать их из памяти, когда ему хочется услышать понравившийся мотив... А потом...

Многие, очень многие, почти все... Глохнут. Жизнь идёт своим чередом. Смерть следует за рождением, рождение за смертью, километры пройденных дорог сплетаются в тугий клубок без конца и начала, заплечный мешок становится всё тяжелее от того, что мы складываем в него на своём пути. Мы садимся на обочине, сваливаем ненужный хлам, выбрасываем безделушки, которые должны напоминать нам о чём-то, не помним о чём, просовываем руки в лямки опустевшего мешка и вот уже снова нагибаемся, для того, чтобы поднять из дорожной пыли что-то понравившееся... Быть может, это заменяет нам утерянную музыку. Невесомую. Не томящую плечи.

Кто-то идёт налегке, ничего не подбирая. Эти тоже глухи, но называют свой изъян самодостаточностью. Они не плохие, не хорошие — скользят среди других, может быть, слегка задевая, может быть, нечаянно толкая... Но что может душа, замкнутая в петлю Мёбиуса?

А кто-то слышит всегда. Слышит, видя, что другие уже глухи. Слышит, стесняясь этого своего странного умения, скрывая его и притворяясь обычным собирателем безделушек. Они слышат, как появляются новые звуки от прикосновения других людей, как мелодия, задыхаясь от обилия новых прикосновений, меняет ритм и лад десять раз за минуту. Они готовы поверить, что не одиноки, что вот он или она слышит ту же мелодию. И они верят. Верят, потому что этого очень хочется.

Жизнь идёт, новые звуки в душе рождает плач ребёнка, треск дров в камине, шуршание страниц любимой книги, стук капель по стеклу, плеск волн тёплых морей, шипение песка в пустынях, глухой стук падающего яблока бессонной осенней ночью. Даже лёгкие шаги проходящего времени рождают свой звук. Жизнь идёт...

Одни слушают музыку в себе как приятный фон, другие пытаются делиться ей с другими, выражая её в примитивных нотных знаках, словах, красках или просто в любви и уважении. Но каждый из них втайне ждёт. Ждёт ещё один, хотя бы ещё один, новый звук. Ни на что не похожую, затухающую вибрацию. Она чуть слышно касается их чужими взглядами, мучительно кружит рядом в странных снах. И они встают к тёмным ночным окнам и, зябко перебирая ступнями, ждут...

Маргарита Безуглова

Бабушка

Её волосы пахнут хлебом,
Её руки всегда красивы.
И встает каждый день с рассветом,
Её можно назвать счастливой.

У неё есть четыре внучки,
У неё целых шесть детей.
Она помнит любого ручки,
Помнит каждого мир затей.

Она столько всего повидала,
Столько Бог разрешил увидеть.
Но о многом она промолчала,
Никого не желая обидеть.

И глаза её так много знают,
Улыбаются молча и с грустью.
Она всех так легко обожает,
Знает, скоро, наверно, отпустит.

Её волосы пахнут соломой,
Её руки умеют все делать.
Она славится счастьем в их доме,
А любить для неё — значит верить.

Море

Я — волна в этом шумном прибое.
Я — песчинка затопленных дюн.
Я исполню желанье любое
Без прекрасных, безжизненных дум.

Я — корабль в потерянной бухте.
Я — холодное солнце пустынь.
Я омою песком свои руки
И вдохну аромат свежих дынь.

Я — земля позабытого мыса.
Я — молчанье подземных пустот.
Я забуду слова все и числа...
И избавлюсь от вечных забот.

Я — вода под огромным барханом.
Я — источник утраченных сил.
Я войду в этот город с пожаром
И не вспомню о том, что любил.

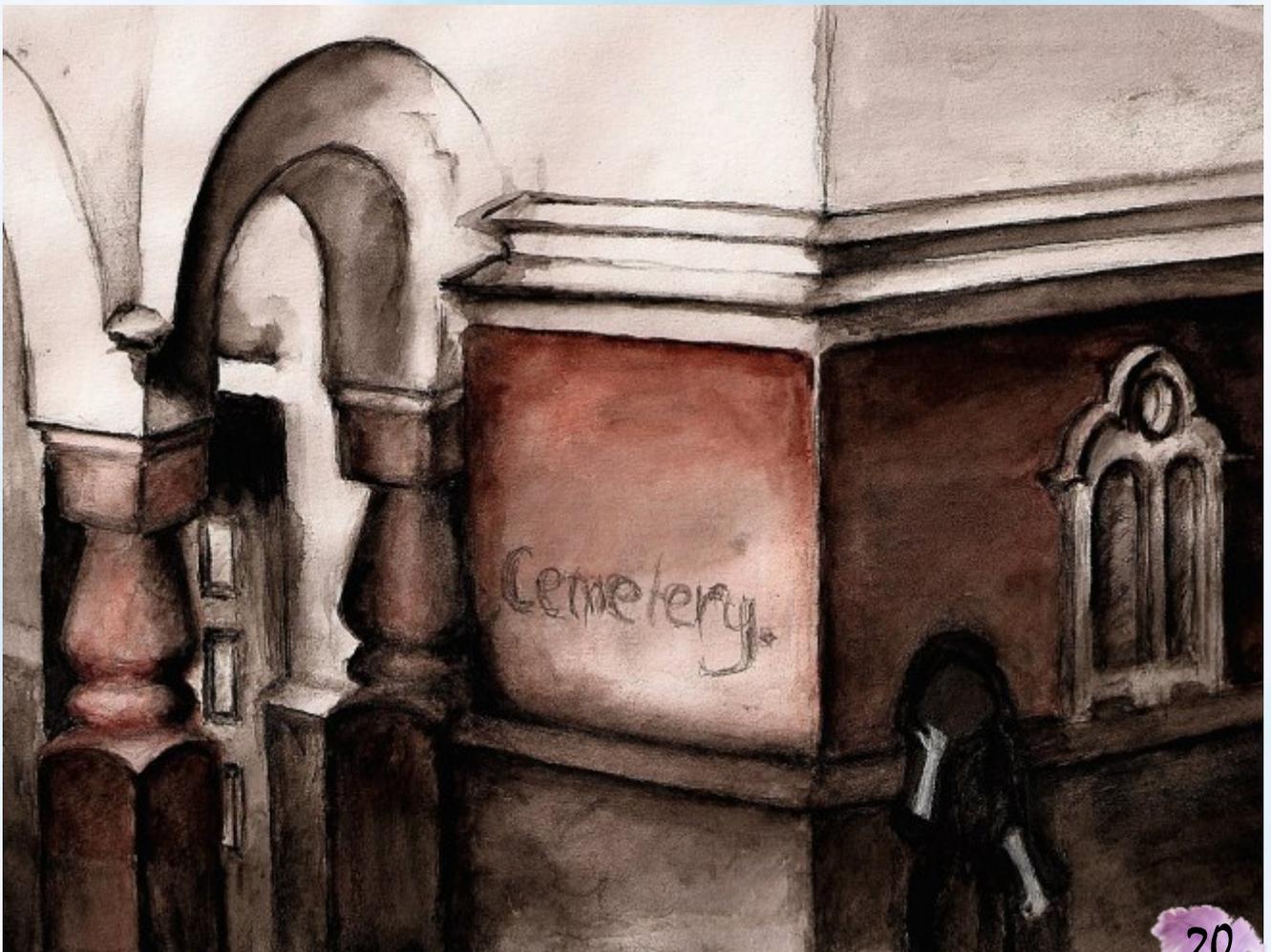
Я — любимая песня поэтов.
Я — болезнь молодых моряков.
Я все время скитался по свету
И ко многому не был готов.

Я — созвучье приливов и соли.
Я — борьба непорочных стихий.
Я картина из счастья и боли...
И любимец далеких светил.

Автор рисунков: Ирина Рейзай

Лиза Маркова
На рельсах

Она была одна. Совсем одна в эту слишком холодную зиму. И она не выдержала. Хотела остановить то, что не остановилось бы никогда. И выход был лишь один.

Снежинки аккуратно ложились на печальную землю. Было темно, холодно и одиноко. Звёзды ярче мерцали на ночном небе. Их было так много, им повезло. Они знакомы друг с другом, они болтают, веселятся, им хорошо. Почему же ей — нет? Почему рядом лишь пустота, темнота, тишина...

Рельсы были холодными, мягкая ткань прилипла к ним, словно обнимала. Кто-то на станции ходил туда-сюда, кто-то судачил по телефону, кто-то думал о своём. Но её никто не видел. Она была одна.

Мимо прошла высокая полная дама. Её большой вес давил на тонкие шпильки, её безобразный макияж, говорил, что она не больше чем клоун. Она несла тяжёлые сумки. Они тянули её к земле, шпильки гнулись, но не ломались. Дама бросила взгляд на рельсы, осмотрелась по сторонам и пошла дальше, поняв, что поезда нет. Она бросила ей вслед недовольный взгляд. И она меня не увидела? Жалко...

А где-то вдалеке мчался поезд, он не мог сбавить скорость, просто не хотел. Тяжёлые колёса бежали по ледяным рельсам. Стёкла вагонов заледенели, мороз аккуратно изрисовал их в причудливые узоры. Поезд громыхал, гремел, настораживал...

Она сидела на рельсах, чувствуя, приближения большой железной машины. Её взгляд задел тёмное небо. Звёзды лишь подмигнули в ответ. Но спасение было слишком далеко.

Около неё встал человек. На его голове капюшон, он разочарован. Видна только нижняя часть лица. Он нервно покусывает губу. По лицу катится капелька, она сверкает в лунном свете. Всего три слова: «Не прощу, уходи!». И жизнь разбита. Как она тебя понимает. Присядь рядом, станет легче. Мужчина повернул голову и печально посмотрел на рельсы. Вдали виднелся огонёк приближающегося поезда. Но человек ушёл. Так же быстро, как и появился.

Снежинка мило легла на её ладошку. Она не таяла, просто лежала и улыбалась. Поезд был уже близко. Она смахнула снежинку. Прекрасное творение природы безумно кувыркалось в потоке ледяного воздуха, металось из стороны в сторону и наконец, плавно приземлилось на снег.

Поезд уже светил ей в лицо. Он не сигнализировал, и не пытался остановиться. Он бешено несся на неё. Но она спокойно сидела на рельсах...

Ей так одиноко, она совсем одна. В этом мире нет похожего на неё.

Поезд с сумасшедшей скоростью пронёсся по скованному льдом рельсам. Он бешено пролетел остановку и умчался куда-то в даль. Снежные вихри, которые он поднял, побежали вслед. Звёздное небо так же сверкало серебряными точками. Было по-прежнему тихо, и никто ничего не увидел.

Призрачная фигура, которую не видел даже снег, встала с холодных рельсов, посмотрела в след уходящему поезду, немного отряхнулась и пошла прочь.

Да, здесь нет таких, как я.

Сергей Антонов

Здравствуй мама, мне вчера приснился
Наш в деревне, старый, отчий дом.
И как я у деда всё просился
Выбежать в грозу смотреть на гром.
Здесь на жарком юге, под Кабулом
В пыльных гарнизонах всё не так.
С гор лавины прыгивают с гулом,
Унося в ущелье дымный мрак.
Небо не такое как над Волгой,
Ночью звёзд алмазная метель.
Я тебя не видел очень долго,
Кончилась бы эта канитель.
Я приеду и женюсь весною,
Голоса детишек зазвучат.
Будем их воспитывать с тобою,
Пусть растут, как наш вишнёвый сад.
Одинокими не станем в старость,
Счастье нас не сможет обойти.
Не грусти, не много мне осталось
До конца военного пути.
Мать письмо последнее читала,
Больше почтальон к ней не придёт.
Гроб сегодня привезли с вокзала...
Счастья нет, теперь лишь горе ждёт.

Евгений Петрушенко

Коридоры, фрактальные дворики:
Я застрял меж страниц этой жизни,
Где скребутся лопатами дворники
По запутанным улицам мыслей,

И убогие клячат на паперти
(Кто на хлеб, ну а кто на бутылку)
Деньги-денежки (в сущности - фантики),
Свои души стирая в обмылки.

Кет Кудинава

Чашка

Трясутся руки,
Роняю чашки.
Кипяток на коленки,
А мне и не больно.
Немножечко страшно,
Миг, да и только.
Глупый ребёнок,
Не умею жить толком.

Трясутся руки,
Роняю чашки.
Новые трещины
На белом фарфоре.
И так всё чаще,
И так всё старше.
Роняем – клеим,
Роняем – стонем.

Регина Собалева
Детская площадка

Васька сидел на скамейке возле детской площадки и фантазировал. Это он любил. Вася, совсем как взрослый, сморщил носик и подпер кулаком подбородок, потом подумал еще немного и важно нараспев сказал: «Хыммм...». Напротив него на качелях раскачивались два взрослых мальчика. Взрослый — это, значит, тот, кто может, встав на носочки, достать до той синей перекладины. Она была самая высокая и страшная. Васе было стыдно, что он, единственный мужчина в семье, так до сих пор и не отважился, даже из чистого любопытства и куража, забраться на радугу, выгнутую полукругом лестницу, стоявшую посреди площадки. А приятель тех двух взрослых мальчиков с легкостью вскарабкался на нее и теперь сидит на самой верхушке и язык всем показывает. «Экий задавака!» — не без зависти подумал Вася.

«А вот когда я стану большой... Я стану большой-пребольшой. Выше всех этих мальчиков! Они-то не растут больше, потому что не хотят и не умеют. А я научусь, и буду расти и расти, пока не стану вышиной с нашу сосну. Вот будет смешно, когда я схвачу этого задаваку за шиворот, поднесу к лицу и язык ему покажу. Сразу дразниться перестанет».

Взрослые мальчики болтали о чем-то, чего Вася не понимал. Он слышал только, что геометрическая прогрессия — это во сто раз хуже, чем арифметическая, и продолжал морщить нос. Так ему легче думалось.

Из садика с криками выбежали девочки, подлетели к Василию и начали его задирать.

— А у Васи нос картошкой!

— И уши — лопухи!

Ха-ха-ха! И смеются. Вот дурочки. А в школе еще и важничают, книжками дерутся. И классная руководительница считает, что все девочки — хорошие, а мальчики — драчуны и бандиты. Так их и называет: «Ах, бандиты вы мои, когда же вы успокоитесь, наконец?!». «А я ничего не бандит! — сопел Вася. — И нос у меня нормальный!».

А потом к ним тихо подошла Юлька — девчонка из углового подъезда в их доме. Она всегда ходила с книжкой, прижимала ее к груди и шурилась. Девчонки умчались к ней, стали наперебой просить, чтобы она рассказала страшную историю про людоедов или джинов. Вася сделал вид, что занимается своими делами — ковыряет скамейку ногтем — а сам начал внимательно следить за девчачьей компанией. Юлька сначала упиралась. Видно было, что она хотела просто посидеть в одиночестве и почитать. Но девочки так кричали и просили, что поневоле согласишься.

— Была когда-то страна Персия... — начала Юля, но ее тут же перебили.

— Персия — потому что персиков много росло?

— Не знаю, были там персики или нет, потому что большую часть страны занимали пустыни. А в пустынях на много миль вокруг — один песок.

Далее последовала восточная сказка о джинах и приключениях, сокровищах в пещерах и превратностях человеческих судеб, о добрых и недобрых людях. Дети слушали, раскрыв рты. Для своего возраста Юля знала слишком много слов. Так много, что иногда ее перебивали, просили объяснить непонятные.

Вася заслушался, и когда рассказ прекратился, чуть со скамейки не свалился, но сделал вид, что деловито подтягивает носок. Заныли тут девочки, мол, страшно, и плохо закончилось.

— Дурацкая история! — заявила одна, ущипнула рассказчицу за руку и побежала

с подружками в салочки играть.

Все разбежались, а Юля, потирая руку, книжку открыла на середине. Видно, что уже много прочитала. Вася смотрит на нее, да кулаком соплю утирает, потом собрался и, как бравый солдат, к девочке этой, умной, подсел на краешек песочницы.

— Что читаешь-то?

— Сказки «Тысяча и одна ночь».

— Интересно?

— Интересно.

— А хочешь, вместе в камешки поиграем?

— Нет, спасибо, я лучше почитаю.

— Ну и читай, дурында! — разозлился Вася и побежал на турнике разноцветном кувыркаться.

Выделяется. А Юля его и не замечает вовсе. «Вот вредина!» — дуется Вася, а сказать ничего не может — не знает, что.

Взрослые парни уже ушли с качелей. Их место заняли сестры-близняшки из соседнего двора. Злые они были и всегда младших дразнили. Скажешь им, что не так, сразу драться лезут. Никто их не любил, все боялись. А сестры-близняшки, которым было уже, наверное, по тринадцать-четырнадцать лет, громко разговаривают, смеются, малышей мелюзгой обзывают. Потом на некоторое время все стихло. Вася даже успел перекувыркнуться два раза на низкой перекладине, задевая сандалиями землю. «Эх!» — выдохнул Васька, застыл на секунду вверх ногами, глаза закрыл, а когда открыл, увидел, что девочки бегут с детской площадки, сломя голову с плачем и криками. Близняшки кидались в них камнями:

— Эй, мелкое отродье, получи на орехи!

Это была какая-то бессмысленная жестокость, глупая, но потому и самая злая. Вася увидел, как заводила в девчачьей стайке уже прижимает руку к макушке, а сквозь пальцы у нее течет кровь. Он испугался, потому что почувствовал свою полнейшую беспомощность перед теми, кто старше и сильнее. И это неприятное чувство заставляло его не двигаться с места, а только наблюдать.

Юля тоже наблюдала, но по-другому. Она уже давно отложила книжку и сжимала свои кулачки так, что пальчики белели, а личико у нее наоборот стало красное, глаза горели гневом. Казалось, она сейчас сорвется сражаться со всей мировой несправедливостью, одна. Юля закричала:

— Не трогайте маленьких! Как вам не стыдно?

И побежала. Одна из сестер-близняшек тоже сделала шаг вперед и со всего размаху треснула Юле по лицу. Юлька упала. Из глаз у нее брызнули слезы. Васька подумал даже, что слезы эти были слезами злости. Для него Юля в тот же самый момент превратилась в героя из ее страшно толстых книжек.

— Мелкая сучка, валяйся на земле. Тебе там самое место. Встанешь — еще раз по башке получишь! — орала одна из сестер.

Вася видел, как Юля встала и тут же упала обратно на землю. На этот раз другая близняшка ударила ее ногой в живот. Юля задыхалась, сгребала рукой траву и набиралась храбрости для следующего броска. С криком той ярости, которая возникает у солдат в пылу рукопашной, она опять бросилась на девочек-подростков. На этот раз ей удалось ударить одну из них в бок, какую именно, уже не разглядела, упала к ним под ноги и отключилась.

На следующий день Вася прождал Юлю у ее подъезда, наверное, несколько часов. Мальчишки звали его стоять на воротах в дворовых соревнованиях по футболу, а он только бурчал в ответ: «Не могу». В руках у Васьки была шоколадка. Большая плитка молочного шоколада, которую он выпросил у мамы, специально в подарок этой необычной девочке. Он с тоской поглядывал на детскую площадку. Все там было, как и прежде —

разноцветное, радужное. Качели, карусель, турники, песочница, горка. Но играть не хотелось. Чувствовалось что-то неправильное, страшное, грубое, и Вася никак не мог понять, что именно. Что же не так? Он только, как всегда, морщил нос и говорил: «Хыммм».

И на второй день Юля не вышла, и на третий. Вася караулил ее у подъезда целыми днями, не отвлекаясь на игру и всякие глупости. Он бережно держал шоколадку и поглядывал на окна. Девочка вышла во двор через неделю. Она несла в руках толстую книгу, по скучной обложке которой можно было сразу догадаться, что она без картинок. Вася сделал несколько быстрых шагов к Юле:

— Возьми! — он протянул ей шоколадку и улыбнулся.

Юля посмотрела на мальчика с болью и произнесла, неожиданно для самой себя:

— Отстань, трус.

Села на скамейку и стала читать.

Вася присел рядом, оглушенный этим новым для него словом. Никто еще так его не называл. И это было обидно. Он вдруг понял, что и Юле обидно, что она не хочет выходить во двор, что эта детская площадка стала местом болезненным. Тут из окна на третьем этаже соседнего подъезда высунулась встрепанная женщина и надрывным криком заорала: «Вася, обедать!». Вася оставил шоколадку на скамейке и ушел.

Василий Александрович сидел во дворе своего старого дома на скамейке посреди детской площадки, и в голове у него гудело: «Когда я стану большим-пребольшим...». Он стал большим-пребольшим задавакой, но до сих пор мучительно осознавал внутри себя произнесенное двадцать лет назад девочкой из соседнего подъезда слово «трус». На пробегающих мимо детей, увлеченных игрой в призрака или казаки-разбойники или, что там у них сейчас в моде, Василий Александрович смотрел с тоской.

Алмар пусына: Ороза Җебогнеба

Ваш Неретный

Утренние зори заливают синь.
Слизывает ветер серебро росы.

Сосны задевают в небе облака.
Хлещет языками валуны река.

Догорают угли золотом в печи.
Пляшут как на свадьбе черные грачи.

Бронзовым загаром солнца луч в окне.
Лес в седом тумане дремлет в тишине.

Глупая кукушка жалобно поет.
Об косые крыши солнце спину трет.

Воздух полон жизни - дышит во всю грудь.
Помолясь дороге странник выйдет в путь.

Медные закаты провожают день.
Месяц свою шляпу сдвинул набекрень.

Наталья Эткиева

Я желаю тебе всего мира,
Бесконечно менять города,
Чтобы в каждом ждала квартира
С грустной женщиной возле окна.

В тихий омут приём горячий,
Нежность пальцев, покорность губ,
Не принять, что могло б это значить,
От души пожелаю, мой друг.

Жить свободно, удачливо, ярко,
Не во власти занудных часов.
От дороги дождаться подарков,
А от неба – попутных ветров.

Не давать никому своё слово,
Океан на стакан не менять.

И когда мы увидимся снова,
Я желаю не вспомнить
меня.

Скрытимиш Вали

Славка

Обложила татарва город. Стан у ворот разбила. Кричат, визжат татаре. Жирный чад по земле от костров стелется. Не поленья на кострах горят — жгут безбожники русские кости. Затворились люди в городе. За стены выйти бояться: ездят вдоль стен батыры татарские — с головы до ног в железе. Грозят тяжелыми копьями, машут длинными мечами.

— Открывай, урус! Неси вина!

Ломит татарва каждый день на стены. Лестницы ставят, арканы мечут — охота им зиму в городе зимовать. Лезут проклятые, ножи в зубах сверкают, халаты рваные от пота дымят.

— Открывай, урус!

Жалят вражину острые стрелы, сшибают вниз тяжелые рогатины. Ковали их городские кузнецы на медведя, в масле калили, на молодой месяц заговаривали — не выдай хозяина! Знали ль, родимые, что пойдут рогатины не по русскому мишке, а по зверю иноземному — говорящему?!

Отползают татаре битые. На другой день сызнова на стену лезут.

— Открывай, урус, байстрючий сын!

Держатся стены. Держатся люди.

Ох, не сидится молодому Славке дома. Бежит на снег из курной избы. Мать в испуге ахает:

— Вернись шалопай! Вот, татарин тебя, мальчика, через стену стрелой!

А что Славке стрелы? Сам к стене бежит, на татар сверху смотрит, кулачком грозит, немытикам.

Гонят его со стены воины:

— Не мешайся тут!

А и не мешался бы Славка. Тянутся руки врага бить. Да какая в мальчонке сила? Взмахнет секирою — падает. Лук тянет — хоть плач, не согнется. Камень бы поднял, да опять ратники увидали:

— А ну, беги к матери!

Убежал Славка. Засвистели сызнова стрелы, завизжали враги, застонали русичи.

— Открывай, урус!

Спит ночью город — Славка не спит. Натянул шубейку, да скок во двор. Прибежал на стену.

— Погодите, проклятые!

Мнут детские ручки снег, хрустит меж варежками белый. Трудится Славка, а сам оглядывается — не пройдет ли русский дозор, не натянут ли лука татары? Вот и утро серое. Как же быстро ты примчалось!

Выходили из шатров татаре похмельные, солово на солнышко пялились, жиром бараньим рыгалось им. Заругались-закричали на них темники. Подобрали вражины луки-сабли — снова к стенам ладят лестницы.

— Открывай, урус!

Жалят татарву русские стрелы — падают вражины. А все новые лезут. Визжат — машут саблями.

Хлоп! Хлоп!

Ай, беда, ударила ты татарина где не ждали! Летят в татарву снежки. Кровянят носы, залепляют глаза, гремят по щитам, будто камни.

Хлоп! Хлоп!

Нате, проклятые! Даром что ли я, Славка, всю ночь снег катал, воду таскал, снежки поливал? Тверже камня стали! Нет у меня взрослой силы меч поднять да лук натянуть, так вот вам мой детский привет! Полновесный!

Хлоп! Хлоп!

Воет татарва:

— Что за щенок такой, что нас, батыров, не страшится?! Кем нас урусы мнят, что не стрелами, а снежками потчуют?!

Мечут стрелы в Славку. А тот от стрел на стену падет, по снежку в горсти прихватит, да снова подскочит:

— Нате, проклятые!

Хлоп! Хлоп!

Охнули русичи:

— То ж во Славку татаре метят, во вдовьего мальчонку!

— А ну, не тронь мальчика!

Засверкала-закружилась честная русская сталь. Отхлынули татары. А люди уже за стену бегут, в стане вражьем мечами машут. Визжит татарва, убегает. Где их лютость хваленая? В шатрах хмельной на кошмах валялась. Где батыры их железнобокие? Вперед войска сбежали.

... Принесли вдове вечером Славку. Ключнула его на излете гнилая татарская стрела. В жару малец мечется. Шарит вокруг себя ручками, хрипит:

— Нате, проклятые!

Взвыла мать — схоронила три зимы назад мужа, теперь и сына пережила. И стояли над ней и Славкой ратники. Шапки-шеломы скинули — в руках держат. Молчат. До вечера метался Славка. Затих. Сказал лишь перед смертью, как выплюнул:

— Быть вам, неумытикам, битыми!

Отошла простая русская душа мальчика. Полетела в степь, во след татарве — бить их снегами-буранами, гнать от границ русских.

Стояли над его телом ратники. Слова никто не вымолвил, но разом чуяли — быть походу.

...Схоронили Славку новым днем, под голубым небом, во снежном поле. Положили ему в гроб любимую игрушку — конька, да старый отцов нож. Как война схоронили. От могилы той в поход и пошли. Вслед за упрямой славкиной душой.

Автор рисунков: Ольга Небогнева

Мария Орфанудакис

Письмо третье к Земфире. Непубликованное

Здравствуй, мой нежный Ангел. Как же давно я не говорила с тобой по душам. Долгие месяцы молчания, и лишь несколько редких коротеньких сообщений, паратройка общих дежурных фраз: «Привет! Как дела? Что у тебя нового?»

Иногда такое сообщение пишу тебе я, а порой его мне пишешь ты. И эти сообщения напоминают нам о том, что мы есть, что существуем, что не все еще нити, которые протянулись некогда между нами, оборвались.

Где-то их обрывки виднеются, замахрились ниточки. Нитка махрится от трения о канву, и чем длинней нитка, тем сильнее махрится. Расстояние между нами — канва. Длина нити — время между сообщениями. Но чаще всего мы молчим. Наверное, обе ждем, кто первой разорвет затянувшееся молчание? Я или ты? Та, что соскучилась больше?

Земфира, девочка моя... Нет, нет, молчи. Не поправляй меня. Не напоминай, что ты сменила имя, твое прежнее тебе никогда не нравилось. Ты писала об этом. Да, я это конечно, помню. И имя, и фамилия теперь у тебя новые, другие. Пытаюсь назвать Катей, когда обращаюсь к тебе. Не получается у меня его произнести. Екатерина - прекрасное имя, но оно не твое.

Не роднится оно ни с твоим обликом: колдовским и немного диковатым; ни с твоим манящим дерзким взглядом чуть прищуренных насмешливых глаз; ни с резковатыми, чуть заостренными чертами лица. Хочется смотреть на тебя долго-долго, не отрываясь. Взять краски, холсты, беличьи кисти и писать тебя, прорисовывая каждую твою черточку, каждый штрих, каждый мазок бесконечное количество раз. Вот тут ты улыбаешься, здесь — грустишь, и на каждом холсте выходишь совершенно по-разному.

Кто ты? Признайся... Русалочка? Эльфа?

«Земфира», — проговариваю твое имя неспешно, нараспев и с удовольствием. А имя твое журчит, как мелодичный ручеек. Оно скользит изящной, золотистой змейкой в густой луговой траве; обдувает прохладным освежающим ветерком, спасая от зноя. Я слышу песню твоего имени каждую весну с капелью. Прислушайся и ты: Зем-фи-ра. Зем-фи-ра. Зем-фир-ра.

Весна ассоциируется у меня с тобой всегда. И если бы кто-нибудь попросил меня нарисовать весну в женском облике так, как я ее представляю, я ни на минуту не задумываясь, изобразила бы на холсте именно тебя. Весна в ее начальной стадии. Утром еще морозец, а ко дню начинается звонкая музыка капли. И с каждым новым днем будет прибавляться света и тепла.

Пусть другие называют тебя Екатериной, Катей и, даже ласково — Катенькой, Катюшей. Для меня ты всегда будешь Земфирой.

Я помню тот далекий день, когда ты впервые заявила о себе, появившись в он-лайне. Ты написала тогда: «Меня зовут Земфира Виельгорская. Пожалуйста, запомни мое имя и фамилию», предложила свою дружбу, а я ее приняла.

Зем-фи-ра Ви-ель-гор-ская.

Такое красивое сочетание произносимого имени и фамилии. В них слышится шёпот волн, набегающих с шуршанием на берег. Ты вышла замуж еще осенью и в графе «семейное положение» появилось слово: замужем. Прости, что я поздравила тебя с опозданием; за то, что я так долго молчала. Не разделила твою радость и волнение в те дни, когда ты готовилась к свадьбе.

Я часто представляла себе в августе прошлого года, какой прекрасный букет невесты я бы сотворила для тебя, если бы могла оказаться рядом с тобой. Он

получился бы изысканным и утонченным, тебе под стать. Я украсила бы цветами густую роскошную гриву твоих волос. Осыпала бы твой путь лепестками роз, всевозможных цветов и оттенков: красных, розовых, рыжих, кремовых, желтых, чуть зеленоватых.

«Ты — королева всех цветов», — прошептала бы я тихонечко на греческом тебе на ушко, подойдя к тебе близко-близко. Что с того, что ты не знаешь этого языка? Я перевела бы тебе каждое словечко. Я кидала бы под ноги тебе и твоей второй половинке мелкие монетки вперемешку с семенами риса. Кричала бы вам: «Горько!»

Все это я проделывала десятки раз в своем воображении, а взаправду....

В реальности в тот важный и торжественный для тебя день меня не было рядом с тобой. Исчезла незадолго до твоей свадьбы «по-английски», ни написав тебе, ни строчки. Ты пыталась меня разыскать. Не получилось. А я на время словно в рот воды набрала. Хотела спрятаться от всех, от целого мира, никому и ничего не объясняя, избежать лишних вопросов, да и ненужного любопытства тоже:

— Что, как и почему? Это личное?

— Да, личное. Угадала.

Полный душевный раздрой, растерянность, апатия — вот что творилось со мной в тот момент, когда я решила на какое-то время исчезнуть из «света софитов». Лучшие лекарства от душевной боли — это человеческая забота и ласка. А для меня таким лекарством давно уже стала Проза — моя преданная и верная подруга. Я начала писать повесть о восьмидесятих годах, которые казалось, были на дворе еще вчера, и погрузилась в работу с головой. Образы и картинки из детства, которые много лет хранились в старом кованом сундуке на чердаке моей памяти, вовсе не поблекли, не потеряли своих ярких сочных красок, не оказались унесены бурными водами Леты. В голове постепенно рождался текст повести, который я спешила выплеснуть на бумагу, подгоняемая многочисленными воспоминаниями о той поре.

Идут годы, киноплёнка постепенно высыхает, изображение немного тускнеет, бобины покрываются слоем пыли. А я, порой ностальгируя по восьмидесятым, мысленно достаю с чердака памяти старенький трескучий кинопроектор, включаю его и смотрю, как мелькают на экране черно-белые кадры того времени. Помню то, что происходило много лет назад до мелочей, звуков, запахов, прикосновений. И я так отчетливо вдруг вспоминаю некоторые эпизоды из своего детства, пустившись в опасное плаванье вспять по прожитым годам, в ветхом суденышке по бурной реке времени.

Мне не сложно закрыть глаза и мысленно перенестись на пять-десять-пятнадцать лет назад. Перевести стрелку часов в обратную сторону. Иметь такую память — это и дар, и проклятие одновременно. Даешь себе жесткую команду: «Форматировать»! А ненужное воспоминание не форматируется никак. Напрочь отказывается стираться. Кукиш мне ехидно показывает: «Не уйду. И не жди». Но для писательства такая память — потрясающий подарок, которым я то и дело пользуюсь, когда пишу. Мне часто кажется, что внутри меня находится некий механизм, который записывает все, происходящее со мной, на огромную бобину. Пишет в объеме, с запахами, красками, звуками.

Разве я смогу когда-нибудь забыть, как на меня напали на улице этой осенью, в конце сентября, когда я возвращалась с работы домой?

С самого утра шел ливень, и я не спеша шагала до станции метро, старательно обходя огромные лужи, укрывшись под стареньким зонтом. Все произошло внезапно и неожиданно. Представь себе, Земфира, хоть на секундочку, что почувствовала я, когда кто-то схватил меня сзади, грубо и бесцеремонно зашарив по мне своими руками так, словно я вещь. Будто бы он имел на это какое-то право. Меня объял ледяной ужас! Я совсем не слышала его шагов. Крался он за мною, что ли? Казалось, что за моей спиной находится призрак, который схватил железной

хваткой и держит, не отпускает, не дает обернуться, чтобы взглянуть злу в лицо. Вокруг не было ни души. Никого, кто мог бы за меня заступиться. Ужас, парализовавший меня, сделал меня немой, на время лишив голоса. Вся борьба между нами: он меня держит, а я пытаюсь вырваться, происходила без единого звука. И единственное, что было слышно — это равномерный шум дождя.

И все происходящее виделось мне, словно со стороны; воспринималось нарезкой отдельных кадров в режиме слайд-шоу. Меня толкают с нечеловеческой силой, опрокидывая на мокрый асфальт. Я слышу душераздирающий вопль и тут же понимаю, что это кричу я. Ударяюсь затылком и лежу, не в силах подняться и сопротивляться дальше. А в голове тупой занозой свербит мысль, что теперь со мной — обездвиженной - можно делать, что угодно и я не смогу дать отпор. Ограбить меня он не пытался, а мог бы сорвать с плеча сумку, вырвать телефон и убежать, и я бы не догнала его.

«Сейчас тебя будут убивать. Допрыгалась, девочка...», — прозвучал в моей голове ясный и на редкость спокойный голос. — «Боже, кто это сказал? Неужели, это мои собственные мысли?»

С самого детства у меня было странное отношение к смерти. Когда она была естественной, то не вызывала у меня страха. Из всех ее видов я боялась лишь двух: умереть от онкологии или насильственной смертью.

Ко всем тем, кто собирается перешагнуть по ту сторону зеркала Бытия, она приходит по-разному, принимая различные облики. Наверное, нет на земле человека, который бы ее не боялся. К некоторым Смерть является беспощадной высохшей старухой, в белом саване и с косой, а к другим — в образе прекрасной юной девы.

Я приготовилась встретить смерть в лицо и, с трудом оторвав тяжелую, как чугуном налитую голову, от земли, сквозь пелену боли увидела стремительно убегающего мужчину в куртке с наброшенным на голову капюшоном. Кто или же что испугнуло его? Мой крик? Случайный прохожий, возвращающийся домой? Госпожа Смерть сделала шаг назад и присела передо мной в почтительном книксене, легонько кивнув мне головой. После этого она выпрямилась, кокетливо взмахнула белым платочком на прощание и удалилась, пообещав вернуться за мной через несколько десятков лет. У Смерти было много неотложных дел, и она торопилась продолжить обход и собрать свой урожай.

После нападения меня долго мучили проблемы со сном. Я почти и не спала. Ложилась в кровать, закрывала глаза, пытаюсь уснуть, и часто лежала так всю ночь, забываясь коротким тревожным сном лишь под утро. Были и другие проблемы. Животный, отвратительный, липкий страх вошел в меня и затаился где-то глубоко, выползая на поверхность всякий раз, когда я, находясь по улице, вдруг слышала за своей спиной шаги прохожего, мужчины или женщины... Неважно. Я, испуганно оглядываясь, шарахалась в сторону, пропуская человека вперед.

Ответь мне, Земфира, чувствовала ли ты тогда на расстоянии, что мне угрожала опасность?

Почти месяц мне понадобился на то, чтобы хоть немного прийти в себя после нападения. Я дописывала повесть. А дописав ее и поставив точку в конце текста, я нашла в себе храбрости вылезти из моего временного убежища на свет божий, отчаянно шурясь от лучей яркого солнца. Я возвратилась туда, откуда стремительно убежала, побросав в спешке все свои драгоценности: письма друзей, заметки, альбомы с множеством фотографий.

К людям, которые верили, что я вернусь. От которых я на время спряталась, как когда-то пряталась в пододеяльник во время частых ссор родителей. Мне тогда года четыре было, не больше. Провоцировал ссоры отец, и каждый раз толчком для них являлась какая-нибудь бытовая ерунда: не выключенный в комнате свет или порванная детская книжка. Обычно он заводился с пол-оборота. Мама отвечала спокойно, стараясь своей невозмутимостью погасить его накал, но помогало

редко. Скоро она уставала от нервного отцовского тона и становилась резкой в ответах. Родители были интеллигентными, до базарной брани не опускались никогда.

Происходили выяснения отношений пронзительными «птичьими» голосами, звенящими от внутреннего напряжения. А после родители переходили на свистящий приглушенный шёпот, и это обычно означало, что их словесная перепалка затянется надолго. В такие минуты я тихой испуганной мышкой быстро прошмыгивала в детскую, забиралась на тахту с ногами, стремительно ныряла в разверзнутую пасть пододеяльника, прячась в нем — своем домашнем бомбоубежище — чтобы отсидеться там, пока не утихнут голоса на кухне.

Имея богатое и живое воображение, я представляла себя прячущейся то в пещере Али Бабы, а разбойничья шайка рыщет уже где-то поблизости, пытаюсь найти меня, и надо сидеть очень тихо, чтобы не услышали; то в дупле огромного старого дерева, и совсем рядом крадется свирепая рысь, которая непременно разорвет на мелкие кусочки своими острыми безжалостными когтями, если найдет, а ведь умирать так не хочется; то на пыльном, покрытом густой паутиной чердаке старого заброшенного дома, прячущейся от злобной безобразной ведьмы, мечтающей мною пообедать.

Декорации менялись очень часто, но одно оставалось неизменным — я всегда от кого-нибудь пряталась. Воображаемых врагов у меня было много.

— Папа, папа!

— Доченька, у папы с утра настроение плохое. Иди к нему, побудь с ним, — тихонько шепчет мне мама на кухне. Она подталкивает меня в спину, подкрепляя свои слова действием, — Иди же, милая.

И я — его любимица — смело шагаю к отцу в комнату. Мое присутствие рядом с ним меняет его настроение в лучшую сторону как по мановению волшебной палочки.

Утро воскресного дня. Отец еще не встал с постели, он лежит на спине, закинув руки за голову. Смотрит в потолок, прямо перед собой. Хмурит густые косматые брови. Я юркаю в постель к нему под бочок: «Доброе утро, папочка». Отец поворачивается на бок лицом ко мне, обнимает меня. Выражение его лица немного теплеет. Морщинки-хмурилки на лбу плавно расходятся, словно их взяли и разгладили горячим утюгом. Он вздыхает и зарывается носом в ямочку между моим плечом и шеей, с шумом втягивает в себя воздух. Нюхает мою кожу. Выражение лица становится мечтательным: «Молоком пахнешь. Запах моего детства», — выдыхает он, улыбаясь.

Проходит год за годом. Детский сад. Начальная школа, а потом средняя. Болезнь понемногу начинает захватывать власть над отцом. Вспышки гнева происходят все чаще. Атмосфера в доме была тяжелой, от нее часто перехватывало дыхание. Хотелось куда-нибудь убежать и не возвращаться.

— Ну, ты утконос, — отец кривляется передо мной и в эту минуту становится похож на безумного нелепого паяца. В уголках его рта скапливаются пузырьки слюны, лицо перекашивает гримаса ненависти.

— Ут-ко-нос, — давит из себя по слогам он, — посмотри на себя в зеркало. Да, у тебя не нос, а шнобель. Ты же уродина!

Я пытаюсь что-то ответить, оборвав тем самым его злобный монолог. Он демонстративно морщится, затыкая себе уши:

— А голос-то, голос... Омерзительный совершенно. Слушать его не могу. Молчи-молчи... Ты никогда-никогда не найдешь себе мужчину. Ты никогда, слышишь меня! Никогда! не выйдешь замуж. Посмотри-ка лучше на себя в зеркало!

— Ну, кто та-ко-е, — он выговаривает последние слова по буквам, с наигранным ужасом в голосе, — сможет полюбить? Ужас, то какой!

А я — подросток, неуверенный в себе: худющий, угловатый, с длинным носом, редкими зубами. Когда волнуясь, то краснею, как свекла. Мне хочется слышать от отца слова поддержки, одобрения, а еще лучше — восхищения: «Солнышко мое, да ты у меня принцесса. Самая красивая девочка на свете»,² — повторяет папин ласковый голос где-то в глубине моего воображения, вселяя в меня уверенность в собственной привлекательности. Еще не бабочка, а, скорее, куколка. А в жизни...

— Утконос, — орал отец, — Господи, ну что у тебя за отвратительный голос!

Мне двенадцать лет. Я ученица шестого класса. Самый конец восьмидесятых. Именно с этого времени отца начинают регулярно, два раза в год, класть в городскую психиатрическую больницу № 3. Осенне-весенние обострения. Когда его нет в доме, для меня наступает праздник. Я на время переселяюсь к нему в комнату, перетаскиваю туда свои вещи. Делаю уроки, сидя за отцовским секретером. Включаю без спроса его черно-белый телевизор. Обычно отец не дает мне его смотреть. Разве что иногда, в виде большого одолжения. Вечерами, читая Мартынова «Каллисто», я вместе с героями книги мысленно совершаю многолетний перелет к звезде Сириус на планету Каллисто, пролетая мимо ее сестер: Кетьо и Сетито. Встречаюсь там с ее обитателями-каллистянами, построившими коммунистическое общество. Мое солнце они называют: «Мъени». Путешествую по планете, освещаемой лучами жаркого Рельоса. Влюбляюсь в Петра Широкова и ревную его к Дьени Диегонь. Я лучше чем, она! Я в этом уверена. Зачитываю книгу до дыр, грызя сухарики из черного хлеба, которые готовит в духовке мама. Они у нее получаются просто объедение.

Сплю рядом с мамой на широкой двуспальной родительской тахте и блаженствую. Дома не слышно ругани. Мне страшно не хочется, чтобы отец возвращался. Мама ходит к нему по выходным в «Скворцово-Степаново». Иногда она берет меня с собой. Осень, под ногами шуршат листья. Территория больницы большая, корпусов много. На площадках, забранных по периметру толстой металлической сеткой, прогуливаются больные в байковых халатах. А рядом с ними — санитары, которые наблюдают за пациентами. Вглядываюсь внимательно в лицо каждого, кто находится здесь на лечении: «Какой у него разлад в душе? Как выражается его болезнь?»

У большинства больных взгляд, уходящий в глубину себя. Что они там видят, в своих морских глубинах? Во что так пристально вглядываются? Наверное, в странный зазеркальный перевернутый мир, жителями которого они являются.

Сетки на площадках. Сетки между лестничными пролетами. Толстые двери на отделении. Больные в синей байке. Строгий персонал.

Всякий раз после посещения больницы становилось погано на душе и оставался неприятный тягостный осадок. Будучи очень впечатлительной девочкой, я долго пребывала под впечатлением от того, что там видела. Отец выглядел пришельцем из другого мира, был сильно заторможен, апатичен, смотрел куда-то вдаль перед собой, отвечал невпопад. Тянул с ответами, переспрашивал. На нас с мамой реагировал вяло.

— Мама, — я пихаю ее в бок, пока отец не видит, — Мы скоро домой пойдем?

В начале ноября умер младший брат отца — дядя Витя. Мой дядя, которого я в глаза-то никогда не видела по причине его чудаковатости и крайней нелюдимости. Контакт с отцом и нами — его семьей — дядя избегал. Его смерть не принесла мне огорчения и душевной боли. Был-не был... Пустой звук. Тяжело переживать о человеке, не зная его, не встречаясь с ним. Отца же смерть брата сильно подкосила, она была для него полнейшей неожиданностью. Эта смерть и ряд других причин, в том числе и серьезные проблемы у него на работе, спровоцировали у отца сильнейшую депрессию, которая продолжалась у него несколько месяцев и сопровождалась сильнейшей тревогой, страхом, забывчивостью, разными навязчивыми идеями. А с конца зимы у него начались вспышки

немотивированной агрессии. В тот период мама стала спать вместе со мной, на моей узкой, старенькой тахте, стоящей у стены, напротив двери, ведущей в коридор. Сестра спала одна, как королева, на разложенном диване-книжке.

Дверь комнаты изнутри мама подпирала массивным креслом, обтянутым гобеленовой тканью. Вплотную к креслу придвигалась низкая тяжелая тумба для постельного белья. Мама надеялась, что эта баррикада помешает отцу проникнуть в нашу комнату среди ночи. Обычно он начинал тихо скрестись в дверь, а после, видя, что на него не обращают никакого внимания, заводился с пол-оборота и, продолжал стучать все громче и громче, до тех пор, пока мама не вставала с постели. Она выходила из комнаты, отодвинув в сторону баррикаду, и уводила беснующегося отца на кухню, подальше от нашей комнаты, чтобы он не разбудил нас с сестрой.

Земфира, солнышко мое, да как при таком стуке можно было спать, скажи мне?

Конечно, я просыпалась и лежала тихо, как мышка, чутко прислушиваясь к происходящему. Дверь, ведущая на кухню, плотно закрывалась, но кое-что до меня все же доносилось. Отец оскорблял мать, нас с сестрой. Говорил чудовищные вещи, некоторые из которых я узнала от матери, только когда выросла и повзрослела.

— Хорошо, что ты вчера на ночь дверь подперла креслом. Прямо, как чувствовала, — прошипел он как-то сквозь стиснутые зубы маме. — Я испытывал жгучее желание взять в руки топор, войти в вашу комнату и размозжить головы тебе и твоим выродам, пока вы спали. Кресло мне помешало.

Дома хранился топор. Так, на всякий случай. Стоит ли говорить, что после тех отцовских слов мама поспешно избавилась от топора, унеся его подальше из дома. Во время вспышек неконтролируемой агрессии отец часто желал нам смерти. К марту месяцу припадки «злости» отца становятся почти ежедневными, терпеть их все тяжелее...

Он не может работать — недееспособен. Пребывание в психушке дает лишь кратковременное улучшение его состояния.

В университете, на кафедре истории КПСС, где отец читал лекции студентам, никто из преподавателей не знал об истинном положении дел. Горькая правда тщательно скрывалась от всех его коллег, особенно от ректора университета. Как мог душевно больной человек преподавать историю студентам? Недопустимая ситуация. Отцовская болезнь стыдливо замалчивалась. Так, если бы он, к примеру, страдал от хронического алкоголизма. Что до окружающих? Для них существовала своя версия того, что случилось с отцом. Мама всем говорила, что он проходит лечение в санатории. Поехал поправлять здоровье. Сердечко пошаливает, знаете ли...

Март месяц. Замотанная уставшая мама вся сосредоточена на отце. Она старается, как может, оградить меня с сестрой от его нападков. Мне начинает казаться, что я лишняя. Не станет меня, никто этого и не заметит. А если и заметит, то будет слишком поздно, чтобы что-то изменить. А может моя смерть остановит непрекращающийся террор отца, и, от этого станет не напрасной? Покинуть каким-то другим путем тот сумасшедший дом, в котором я пребывала в течение долгих месяцев, не представлялось мне возможным.

Единственная подруга уезжает на месяц в другой город на лечение, и я остаюсь совсем одна. Я неразговорчива и очень стеснительна, общаться со сверстниками мне тяжело. Моими близкими друзьями с ранних лет становятся книги. Поделиться своей душевной болью и отчаяньем мне совершенно не с кем. Домой после школы идти не хочется. Там отец, а мама придет с работы лишь вечером, не раньше семи. Отчаянно завидую старшей сестре: «Вот счастливая. Может гулять до самого вечера». Ей уже пятнадцать. Со школы она приходит позже меня, быстро обедает, переодевается, наводит полный марафет и смывается из дома до самого вечера, тусит где-то с компанией своих друзей. Приходит вечером, часов в девять, когда мама уже дома. Ночами спит крепко, не слыша регулярно повторяющихся истерических ночных выступлений отца перед мамой на кухне. А куда было деваться мне?

Пожалуй, лучший способ ухода — уснуть и не проснуться. Спокойно и безболезненно. Взять и выпить горстку-другую таблеток, что тут может быть страшного? Именно это я и проделываю. Почти трое суток в реанимации, потом палата на шесть коек. На меня смотрят огромные распахнутые глаза матери, в которых застыло столько неподдельного горя...

— Ты случайно выпила таблетки? — спросил меня за день до выписки приглашенный для беседы со мной психолог.

— Нет, — глядя ему прямо в глаза ответила я. — Специально. Я хотела умереть.

После того, как меня выписали из больницы домой, мама написала расписку, что она берет на себя полную ответственность за меня в том случае, если я, например, решусь вдруг на вторую попытку суицида. Ну, мало ли что со мной может случиться? Вдруг я умом повредила, кто знает? Возьму и выкину снова что-нибудь? Мама не дала положить меня в психушку. А где еще мог находиться девочка, заявившая врачу, что она сознательно хотела умереть? Остаток учебного года я училась по индивидуально составленному для меня завучем школы графику. Учителя занимались со мной после уроков. В ряды своего класса я влилась уже после летних каникул.

Отец на время присмирел, испугавшись того, что произошло со мной. В доме воцарилось временное затишье, которому я была очень рада. И хотя ценой этому хрупкому миру чуть не стала моя жизнь, пускай... Бог спас меня от инвалидности. Повторных попыток ухода из жизни я не предпринимала больше никогда. Этот урок я усвоила четко. Чтобы не случилось, мы не вправе лишать себя того, что подарено нам Всевышним. Чудо, которое называется Жизнь.

Но в случае с отцом чуда не произошло. Его болезнь явно не собиралась сдавать своих позиций. Спустя пару лет после того случая, в один из дней мы повздорили с отцом, находясь в квартире только вдвоем. Мама в то время была на работе. За давностью прошедших лет мне уже и не вспомнить причину перебранки. Помню только, что ее, как всегда, спровоцировал отец.

Я находилась в своей комнате и, стоя на коленях, у раскрытых створок тумбочки, с водруженным на нее стареньким цветным телевизором, аккуратно складывала в стопку постельное белье. Скандал разыгрывался по старому и такому известному мне с самого детства сценарию... Отец оскорблял, словесно бил по живому, трепетному. Казалось, он всякий раз ставил себе четкую цель: унижить меня посильнее, довести до слез. Он зашел ко мне в комнату совсем неслышно, и я поняла, что он находится у меня за спиной, лишь, когда услышала совсем рядом с собой его издевательское, выведенное по слогам: «Ут-ко-нос».

Я не удержалась и что-то резко ему ответила. Отец бросился на меня и схватив за шею. Стал душить. Он сжимал мое горло все сильнее и сильнее, я начала задыхаться. Ужас ситуации заключался в том, что железная хватка отца не позволяла мне подняться с колен. Его лица перекосило от ненависти. Морщинистый лоб побагровел от напряжения, на висках вздулись жилы. Очки съехали на самый кончик носа, и вместо того, чтобы смотреть сквозь стекла, он смотрел на меня поверх них. Жалости в его глазах не было.

«Ну, вот и все», — как в тумане, пронеслось в моей голове.

Было ли мне страшно в ту минуту? Нет, Земфира. Я уже не боялась. Несколько минут перетерпеть, а потом настанет полный покой. Было жалко маму. А между тем, хватка на моем горле не ослабевала. Умереть, стоя на коленях, будучи задушенной собственным отцом. Кому такого пожелаешь?

«Папа, ведь это ты нюхал запах моей кожи, сравнивая его с запахом парного молока. Неужели ты забыл, как я приходила в твою комнату воскресными утрами? Помнишь, как я ныряла к тебе в постель под одеяло; как ты любил, зарывался

носом в мягкую ямочку между моей шеей и плечом?», — жалобно рыдал внутри меня тонкий голосок маленькой испуганной девочки.

Было ли это? Когда? А может, мне все это приснилось? Тот сон, в котором отец был добрым и любящим, а болезнь еще не захватила власть над ним, целиком подавив его волю. Не помню, как я вырвалась. Видимо, желание жить победило. Мне удалось подняться на ноги. Учащенное дыхание со свистом вырывалось из моей груди, в ушах отдавались удары сердца. Горло сильно болело, было тяжело дышать.

Отец отвернулся от меня и, как ни в чем не бывало, удалился в свою комнату, бросив пару фраз на ходу, в которых он сожалел, что ему не удалось меня придушить. Мне повезло, сознание я потерять не успела.

Маме я ничего рассказывать не стала. Ей хватало лиха... А мне было ее жалко. Да, и смысла доносить о случившемся до нее я не видела. Что бы мог изменить мой рассказ? Если на протяжении долгих лет, предшествовавших этому случаю, мама не могла ни избавить, ни защитить нас с сестрой от отцовского насилия, то что бы изменилось сейчас?

На шее выступили жуткие синяки. После отцовского нападения недели две я одевала под школьный пиджак бадлон с высоким глухим горлышком, чтобы никто в школе не увидел моей шеи. А как же дома? Замотанная мама мало обращала на меня внимание. Работа, домашний быт, больной отец. Мне доставались жалкие крохи ее внимания.

Это был единственный раз, когда отец применил ко мне силу, но он регулярно и методично издевался надо мной морально.

Всего лишь слова, может подумать кто-то, но не я. Слово обладает силой. Порой ими убить человека можно, или ранить так глубоко, что потом долго еще не заживая, кровить будет. Каждому из нас приходилось в этой жизни испытать боль. Иногда она быстро проходит и становится смутным воспоминанием, а в других случаях напоминает о себе, как будто была причинена только вчера.

Самые болезненные и глубокие душевные раны мы получаем от близких нам людей. От тех, кого мы впустили в свою душу. Вот говорят: «Время лечит». Да, лечит, но только тогда, когда поразившая человека «пуля» извлечена из раны. От сильных ран остаются рубцы, более мелкие затягиваются без следа.

Русалочка, скажи мне, как научить людей не бросаться словами? Понимать важность того или иного сказанного слова, предложения, нести за него ответственность. Как это сделать? Подскажи мне, звездочка моя ясная, как? Ведь любого человека можно изуродовать не только физически, но и морально. Словами можно обидеть и унижить ничуть ни хуже, чем ударами. Ты согласна со мной, милая?

Вследствие пережитого мною в детстве психологического насилия, я заработала себе крайне низкую самооценку и глубокие комплексы, от которых не могла потом избавиться в течение долгих лет. Не любя себя, я привлекала в свою жизнь мужчин, которые меня не уважали и особо не считались со мной. Грубые слова отца, запавшие мне в душу еще в детстве, звучали в моей памяти очень долго. Я была покрыта с ног до головы его словесными клеймами: «Утконос. Посмотри на себя в зеркало, уродина».

Я выросла, превратившись в высокую стройную девушку, обладающую красивой наружностью, о чем всякий раз нашептывало мне зеркало, когда я смотрелась в него. Но я долго не хотела прислушиваться к его шепоту, считая себя уродиной, недостойной любви, уважения, симпатии.

Мы никогда не обсуждали мою проблему — неуверенности в себе — с мамой. Она не чувствовала моей душевной боли. Могла ли я попытаться помочь самой себе?

Благодаря отцу и своему «счастливому» детству я увлеклась изучением психологии, когда выросла. Я искала в ней помощи для себя. Старалась найти ответы на свои вопросы. Понемногу я начала меняться, внутри меня появилось некое пространство уверенности в себе и принятия себя.

В некоторых его местах материя была прочной и надежной, готовой выдержать неожиданные сильные удары извне, а кое-где была тоненькой, чуть просвечивающей. С каждым новым прожитым днем первого становилось все больше, а второго все меньше. После сильного ожога души, отек постепенно рассосался, краснота прошла. Появившаяся новая кожа вначале имела ярко-розовую окраску, но через некоторое время приобрела обычный вид.

Хотя до сих пор «девочка-ежик» временами напоминает мне о себе. В начале ко мне приходит в гости маленькая девочка Маша. Ей лет пять-шесть, не больше. У нее огромные голубые глаза, открытый доверчивый взгляд, светлые волнистые волосы до плеч. А потом она прямо на моих глазах вырастает за считанные секунды превращаясь в неуверенного в себе, тощего, угловатого подростка с россыпью веснушек на лице. Солнышко обкакало.

Веснушек на носу давно уже нет, они остались только на руках: мелкие и много. Да и располагаются они очень забавно: на обеих руках, от плеч до локтей и ни сантиметром ниже. Ах, как я могла забыть? Немного на плечах еще их раскидано. Такой, знаешь ли, небрежной россыпью. Наверное, солнышко бросило вдогонку.

«Мои веснушки очень заметны?»

«Очень забавно, милая»

Добавилось уверенности в себе. Из лимонов может получиться очень вкусный освежающий в жару лимонад, для тех, кто умеет его готовить.

Русалочка, ты хочешь поискать рецепт приготовления лимонада в домашних условиях? Оставь эту мысль, прошу тебя. Я ем лимоны так, не подслащивая их. Мне этого не надо. Ты удивляешься, как я могу, есть их без сахара? Элементарно. Счищаю шкурку и ем, не морщась от их кислого сока. Мне это лишь в удовольствие.

Земфира, девочка моя родная... Столько слов уже мною сказано, а я все пишу тебе и пишу. И мне все никак не выговориться. Ты ведь даже не догадываешься, насколько часто я беседую с тобой в своих мыслях и как много я рассказываю тебе в этих воображаемых беседах.

Знаешь, я порой вижу облик отца перед собой так четко и ясно... Он как будто выходит из густой пелены тумана, миг, и вот уже стоит передо мной, смотрит на меня внимательно, слегка прищурившись. А я говорю ему... Говорю? Скорее быстро выпаливаю. Нет, нет... Я не тороплюсь, нервничая от собственного бессилия. Это мой триумф. Сегодня — я победительница, немного взволнованная и вместе с тем торжествующая. Во мне бушует сложная гамма чувств и эмоций, хотя внешне стараюсь этого не показывать. Я говорю отцу:

— Папа, помнишь, сколько лет подряд ты издевался над формой моего носа, который сам же невольно покалечил мне в детстве? На память о том несчастном случае мне осталась маленькая горбинка на нем. Тебя уже давно нет на свете, а она есть и, всякий раз напоминает мне о тебе, когда я смотрюсь в зеркало. Ты так высмеивал мой нос, а люди, особенно мужчины, искренне восхищаются его формой. Называют тонким, породистым. Меня часто сравнивают с Ахматовой, разглядывая мои фотографии, на которых я запечатлена в профиль. Помнишь, как часто ты адресовал мне обращение: «Уродина»? А я уже давно слышу в свой адрес: «Красавица», хотя до сих пор не могу привыкнуть, что это слово мне посвящается. Каждый раз оглядываюсь по сторонам, когда его слышу. Все красавицу найти стараюсь, а потом понимаю, что про меня это сказали. Смущаюсь немного, конечно. В чертах моего лица то и дело люди находят что-то греческое. И они ведь правы, черт побери. Ты разве забыл, папа, что в венах твоей дочери течет и немного греческой крови? Как ты мог, историк, об этом забыть?

Говорят, что я обладательница такого особого взгляда, который люди долго не могут забыть. Запоминающийся он, мол, какой-то, точно заглядывающий в глубину души. Некоторые ведьминским его называют. Мой голос больше не отторгает от себя слушателей. Напротив, меня любят слушать, А голос мой сравнивают с

журчанием ручейка, мягким и неторопливым. А когда я сержусь, папа, то мой рассерженный голос больше похож на рокот водопада. Ты этого уже никогда не услышишь. Я считаюсь интересной собеседницей, со мной не скучно. Мужчины говорят про меня, что я настоящая женщина.

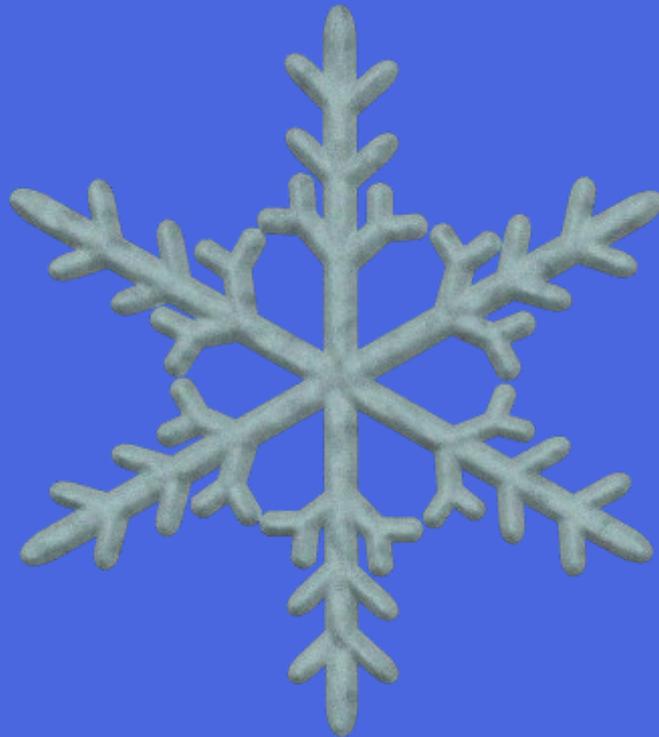
Папа, все, что ты говорил обо мне в детстве, было неправдой, и я заплатила слишком высокую цену за то, чтобы это понять. В какой момент ты разлюбил меня? Сколько мне тогда было? Семь лет? Десять? Двенадцать? Ты недодал мне своей любви, а ведь мне было так важно в те годы чувствовать твое одобрение и восхищение...

На этих словах я умолкаю. Мне больше нечего ему сказать. И нужно было вообще что-то говорить? Время вспять не повернешь. Очертание отца становится все бледнее и бледнее и постепенно таит в воздухе, подобно легкому облачку, не произнеся ни слова.

Милая моя! Когда у тебя родится доченька... Мне, почему то кажется, что у тебя будет непременно девочка, такая же красавица, как и мама. Прошу тебя, говори ей как можно чаще, как сильно ты любишь ее. Восхищайся ею всегда и всем в ней. Пусть она с детства чувствует себя любимой, обожаемой, неповторимой. Расти ее принцессой. Научи ее любить себя и уважать. Обещаешь мне это выполнить?

Родственная моя душа, как я хочу взмахнуть крыльями и полететь высоко-высоко, оторвавшись от этой земли... Над горами, над морями, над сушей, над густыми лесами. Взмыть к самым звездам, наслаждаясь полетом. Это ведь так замечательно — уметь летать.

Боже, храни же мои крылья. Пускай ветер и дождь будут их хлестать, это не собьет меня с пути. Выходи мне на встречу. Видишь ту маленькую точку в небе? Ты заметила, что она понемногу приближается к тебе? Это я. Тебе осталось подождать еще чуть-чуть. Скоро я спущусь к тебе, чтобы забрать тебя с собой. Я ведь знаю, как долго ты ждала меня, сестренка. Я тоже очень скучала по тебе. Русалочка, расправь свои крылья. Давай полетим туда... за линию горизонта. Туда, где сбываются все мечты. Полетели...

Контакты

Наш электронный адрес —
gazeta_buk@mail.ru

Адрес нашего сайта —
<http://buk-journal.ru>

Адрес нашего форума —
<http://buk-journal.ru/forum/>

Адрес нашей группы на сайте Вконтакте
— http://vk.com/buk_journal

Адрес нашей страницы на сайте stihi.ru
— <http://stihi.ru/avtor/gazetabuk>

Адрес нашей страницы на сайте proza.ru
— <http://proza.ru/avtor/gazetabuk>

Адрес нашего блога —
http://blogs.mail.ru/mail/gazeta_buk/

Автор рисунка: Ольга Невогнева